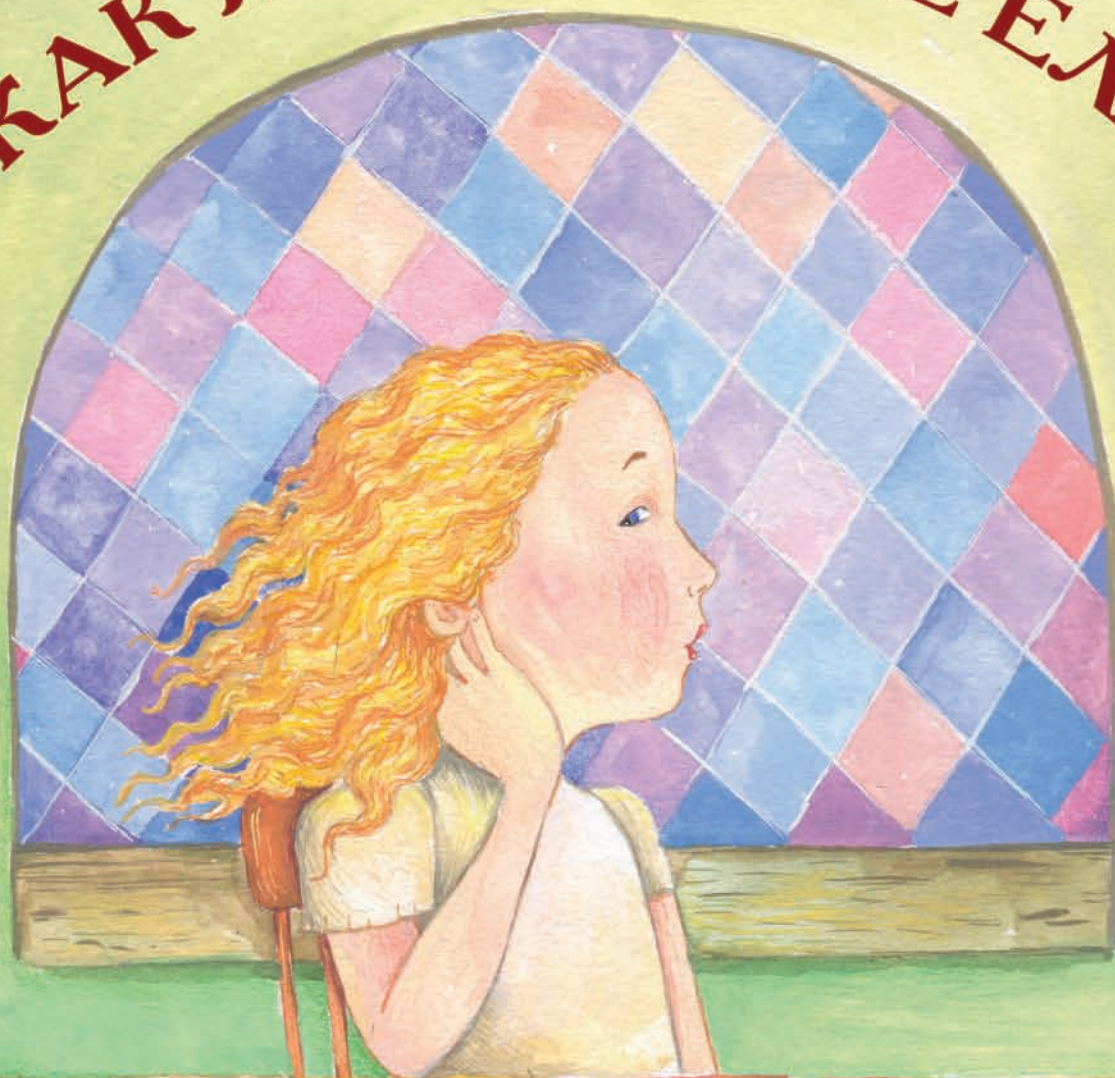

ЕЛЕНА ОЖИЧ

КАК Я НИЧЕГО НЕ ЕЛА

ЕЛЕНА ОЖИЧ

КАК Я
НИЧЕГО НЕ ЕЛА

Барнаул
2011

ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-455

*Книга издана на средства краевого бюджета
по результатам краевого конкурса
на издание литературных произведений*

Ожич Е.

О-455 Как я ничего не ела. - Барнаул, 2011 г. - 80 с.

Чтобы накормить ребенка полезной и вкусной пищей, родители готовы пойти на любые ухищрения! В этой книжке собраны сказки и рассказы специально для детей-плохоежек и их родителей. Вам уже говорили о том, что дети, которые плохо кушают, становятся очень легкими и их уносит ветром? Девочку-плохоежку Марусю унесло в загадочный лес, из которого бы она наверняка не выбралась, если бы как следует не позавтракала, не пообедала и не поужинала.

ISBN 978-5-98550-223-7

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Е.М. Клишина, 2011

© КАУ «Алтайский дом литераторов», 2011

МОЛОКО ОТ ЛЮБИМОЙ КОРОВЫ

Герои рассказов Елены Ожич выплыли из детского общепита, который мы с вами благополучно миновали, читатель, дотянув до зрелого возраста, но так детство и не покинув.

Автору ненавязчиво удастся окунуть нас в промелькнувшее. По сути, ее книжка рассказов вкупе с повестью «Фея Маруся и мистер Муркотт» - задушевная исповедь из нерастраченной сказочной кладовой, где сцепка предметов и сновидений вершится «по волшебству порядка слов» (Кольридж), то есть по законам Поэзии:

«Облака текли над лесом, расчесывая свои лохматые бока о верхушки сосен...»

«...На окошке как-то очень радостно горела герань. Пахло зеленым лужком, и где-то совсем близко брякал коровий колокольчик...»

Как немного слов надобно, чтобы выразить заветное, заповедное! Елене Ожич это удается.

Путешествуя по страницам ее «сказки-бродилки для хорошего аппетита», я - в который раз! - вспомнил, что индусы пьют молоко от любимой коровы... И вспомнился мне «Волшебник Изумрудного города» Волкова, которым мы зачитывались в шестидесятые годы века прошлого...

*Тронешь струну - и звенит, и бормочет
Ветер другой за окном...*

(А.З.)

За окошком (за обложкой) книжки «Как я ничего не ела» - трогательный - в своей узнаваемости - неповторимый мир. В мире этом все двигается не понарошку и невзначай, и обычная еда и привычные слова в скрепе с другими становятся волшебными. Но мы больше доверяем почему-то «коровьей» старушке Нюре из «повести для детей-плохоежек», которая обмолвилась, «что волшебные мысли куда важнее. А волшебные дела еще лучше».

АЛЕКСАНДР ЗУЕВ,
член Союза писателей России

Как я ничего не ела

Когда я была маленькая, то ничего не ела. Совсем-совсем. Только пила молоко и ела хлеб. А больше ничего. Ну, еще конфеты. Но мама сказала, что конфеты к еде не относятся.

- А к чему относятся? - спросила я.

- К удовольствиям, - сказала мама. - К десерту. К продуктам питания. Но это никакая не еда, одно баловство.

Как я вообще жила, когда ничего не ела, не знаю. Но ведь жила же как-то. Ах да, еще я ела макароны. А больше ничего, честное слово. Ну, и еще немножко сосиски.

Я много чего не ела, а потом - раз! - и начала это есть. Когда я что-то не ела, то думала, что это противно. А оно оказалось вполне ничего, есть можно. К примеру, раньше я не ела...

...свеклу,
потому что, говорят, полезная, а по мне, так ничего особенного.

...бананы,
потому что они были похожи на кусок мыла.

...пельмени,
потому что в них был лук.

...котлеты,
потому что в них тоже был лук и еще зачем-то хлеб.
...не пила какао,
потому что там появлялась сверху пленка, которая прилипала к
верхней губе.
...соленые арбузы,
потому что вообще не понимала, зачем надо солить арбузы, если
они - ягоды.
...глазунью -
там желток растекается.
...кашу,
потому что надоела уже.
...и много других разных продуктов, которые, как заверяла мама,
были весьма вкусными и феноменально полезными.

...тушеную капусту

Однажды я пришла из школы.
В шестом или в пятом классе училась.
Мама на обед приготовила гуляш, ту-
шеную капусту и картофельное пюре.

- Фу, - сказала я, - терпеть не могу! Можно, я только картошку поем?
- А все, - сказала мама, - теперь выбирать не приходится! Будешь
есть, что дают!

Что-то мама какая-то нынче не такая, подумала я. Обычно мама
кричать начинает:

- Для кого я тут стараюсь! Продукты перевожу! Днями и ночами у
плиты стою! А ты! Да как не стыдно!

Или спрашивает:

- Ну, съешь, пожалуйста. Ну, ты же синяя совсем, как Фантомас.
И просвечиваешь. У тебя, вон, все кости сосчитать можно. Ну, съешь,
а то соседи скажут, что я ребенка голодом заморила.

Но в этот раз мама сказала:

- В нашей стране, видать, продовольствие заканчивается. По радио объявили: муку, сахар, мясо и масло будут по талонам давать. По чуть-чуть на каждого. Так что, с этого дня будем питаться тем, что удастся раздобыть. И надо быть готовым к тому, чтобы суметь в случае чего на одной капусте выжить.

И я взяла себя в руки и превозмогла свое отвращение к тушеной капусте. Я представила, что в стране вдруг и, правда, закончится все продовольствие, и останется только одна капуста, которая на бабушкином огороде растет. А я ее не ем. Что же мне теперь, умирать из-за этого?

...сливочное масло

Сливочное масло когда-то я тоже не ела. Только если мама из него крем для торта сделает. Но торты мама пекла редко, а масло заставляла есть каждый день - жиры, мол, мне нужны, и кальций. А я на него только посмотрю, и внутри уже скользко становится.

Однажды я захожу на кухню, а там родители сидят, чай пьют.

- Давай, - говорят они, - с нами. Чайку-то...

И батон белый такими большими ломтями нарезали, и черносмородиновым вареньем их намазали. А я это варенье очень люблю - с водой из-под крана размешиваю и морс делаю. Мама кричит: «Кипяченую, кипяченую пей, а то живот заболит!» А разве у меня есть время воду кипятить? Тут такие казаки-разбойники бывают, что перекусить некогда: ложку варенья в рот закинул, водой залил - и наелся, и напился.

- Давайте, - говорю, - чайку. И батон с вареньем.

Родители переглянулись и говорят:

- А батона больше нет.
- Как нет? Вот же он... Жалко вам?
- А у нас там под вареньем маслом намазано, а ты масло не ешь.
- А мне так батона с вареньем хочется, что сил нет.
- Давайте, - говорю, - тогда батон с маслом.

Между батоном и вареньем это сливочное масло - такая вкуснотища оказывается! Я потом так втянулась, что стала масло за обе щеки мести. Мои двоюродные братья Олег и Игорь говорят:

- Смотрите, она хлеб с маслом холодным молоком запивает! Фу, смотреть противно!

А мне не противно, а очень даже вкусно почему-то.

...рыбу

Однажды мы с мамой пришли в травмпункт нашей детской поликлиники добывать из моего

большого пальца занозу величиной с небольшое бревно. Палец уже опухать начал, а мы все сидим и своей очереди ждем. И тут мама говорит:

- Это ужас, сколько детей с переломами поступают!

И, правда, пока мы сидели, девочке и мальчику по одной руке загипсовали, и еще одному маленькому ребенку - палец. И еще одной девочке постельный режим прописали из-за перелома копчика. Страшное дело! Какая-то эпидемия переломов косит детей, думаю я и начинаю к маме тихонько так прижиматься - чтобы пожалели мой распухший палец с застрявшим там куском табуретки. Переломанных вон, всех жалеют. А мама говорит:

- Не бодайся! Походи-ка, почитай, что тут на плакатах написано.

А там чего только не написано: и как людей клещ кусает, и как собаки людей бешенством заражают. И даже рисунок нарисован про то, что не надо пальцы в розетки засовывать. Я все это изучила, снова к

маме подхожу и начинаю ей голову под локоть подсовывать - жалей уже меня. Мама меня по голове погладила и вздохнула:

- Да скоро уже, скоро. Иди, вон, еще один плакат непрочитанным остался.

А я как раз недавно читать научилась. Ну, раз так все затягивается, решила я, то пойду еще в чтении потренируюсь.

- «Как определить, есть ли у вашего ребенка дефицит кальция?» - прочитала я вслух и на маму вопросительно посмотрела.

- Да-да, - кивает головой мама, - правильно. А дальше?

- А что такое дефицит?

- Ну, это когда чего-то не хватает.

- А когда кальция не хватает?

- Тогда у человека руки-ноги очень легко ломаются.

Дальше на плакате было написано, что дефицит кальция бывает, если ребенок редко ест творог, сметану, сыр, яйца и рыбу.

- ...и рыбу, - повторила мама, строго глядя на меня. Рыбу я тоже тогда не ела.

И я представила, как выйду в один прекрасный день из школы, по-

скользнусь на крылечке и сломаю себе руку или ногу. И все только потому, что не ела эту злосчастную рыбу - ни рыбную запеканку в детском саду, ни хека припущенного в школьной столовой, ни даже бутербродов с семгой на дедушкином юбилее. Привезут меня в травмпункт с дощечкой, при-

мотанной бинтиком к сломанной руке-ноге, выдадут потом черный рентгеновский снимок с прозрачными костями и наложат гипс, который сначала будет теплым, а потом твердым. На целый месяц. Усадят дома у окошечка и наверняка запретят выходить на улицу. Потому что ни один ботинок на гипсовую ногу не наденется, и гипсовая рука ни в какой рукав тоже не влезет...

Подошла наша очередь заходить в кабинет. Врач вынул из моей руки кусок табуретки, промокнул ранку ваткой, смоченную чем-то щипучим, спросил, ставили ли мне прививку от столбняка, велел не баловаться, и мы с мамой пошли домой.

- Что на ужин приготовим? - спросила мама по дороге.

- Как чего? - ответила я. - Конечно, рыбу.

Жалко же просидеть целый месяц жизни дома просто так, у окошка, правда?

...суп

Когда-то я не ела суп. Особенно с капустой. И особенно тот, который папа варил. Потому что в его супе обычно плавал лук, зажаренный до черноты - папа всегда момент пропускал, когда сковородку с луком надо с горячей конфорки снять, чтобы лук не обуглился.

Папа к приготовленному им супу всегда относился ревностно. Требовал доедать его до конца. Но я не сдавалась. Я брала папу измором. Сажу по три часа за столом, разгоняю ложкой по тарелке застывшие жирки с несчастным видом. У папы сердце не каменное - он на меня поглядит-поглядит, да и разрешит из-за стола выйти. И гулять идти тоже, бывало, разрешит.

Однажды я сижу над супом и думаю, как бы мне побыстрее с ним разобраться, а то Олег с Игорем уже два часа под окнами орут - выходи, да выходи. Тут папа говорит:

- Я им сейчас выйду! - и из кухни вышел.

Я встала, тарелку взяла, подошла к плите на цыпочках и суп в кастрюлю обратно вылила. И крышку тихонько опустила, чтобы она не звякнула.

Вернулся папа:

- Молодец, - говорит, - не успел отвернуться, а ты уже все и съела.

А вечером папа говорит маме, которая голодная со смены пришла:

- Что-то я ничего не пойму. Суп утром сварил, а он к вечеру уже прокис, - и крышку поднимает, а оттуда крепкий такой дух кислых щей идет.

Мама заглянула в кастрюлю и говорит:

- А кто же в кастрюлю с супом сметану добавляет? - и на меня так вопросительно смотрит.

Неловкий момент был, да. С тех пор я не просто суп не ела, я его еще без сметаны не ела. Чтобы, значит, без последствий его обратно в кастрюлю возвращать.

А однажды мы все вместе обедали. Мама с папой сидят и разные новости обсуждают. Сидят и никуда не торопятся, даже на секундочку из кухни не выходят. Специально, наверное, так делают, чтобы мне суп в кастрюлю не вылить.

- А ты слышал, - говорит мама, - что дяде Роме аппендицит вырезали?

- Слышал, - говорит папа, - не везет что-то дяде Роме. То ветрянкой в сорок лет переболел, то теперь вот аппендицит...

- А все потому, - продолжает мама и на меня многозначительно поглядывает, - что дядя Рома неправильно питался. Не зря же говорят, что горячий суп раз в сутки должен быть в желудке. Иначе может заворот кишок произойти. Из-за этого дырку в животе делают и обратно их разворачивают.

Я, конечно, потом узнала, что ни аппендицит, ни заворот кишок совершенно никак от супа не зависят. Но тогда, на кухне, все было очень убедительно. Мама отложила ложку, встала и сказала:

- Вот я в детстве тоже суп не любила, и мне тоже вырезали аппендицит, - и футболку приподнимает, и шрам на животе показывает. - Я вижу, что ты не очень-то мне веришь. Но у папы тоже такой есть.

Тут папа встает и тоже футболку задирает, и тоже шрам показывает. А в это время бабушка на кухню заходит:

- Чем это вы меряетесь? - спрашивает она. - У кого пузо больше?

- Это мы Леночке показываем, что бывает с теми, кто суп не ест.

- Я тут рассупониваться не буду перед вами, - говорит бабушка, - но поверьте мне на слово, что я в детстве тоже суп не ела, и мне тоже аппендикс и отчикали.

С тех пор я суп за пять минут съедала. Пять минут мучений, и я свободна. Аппендицит, правда, мне тоже потом, классе в третьем, вырезали, и доктор мне про него всю правду рассказал. Но привычку есть суп уже ничем не перебить было. А когда папа лук обжаривать научился, то и вовсе жизнь наладилась.

...не пила сок

История про то, как я не пила сок, будет совсем короткая. Сок очень мне даже нравился, но покупали его редко. Раньше ведь сок не продавался в маленьких коробочках с трубочкой, а продавался в больших стеклянных банках. Целых три литра сока. Только папа мог такую банку из магазина в авоське вместе с дру-

гими продуктами донести. Но папу редко в магазин за продуктами отправляли - он всегда на работе или занят, а когда свободен, то за просто все продукты в магазине перепутать может.

- Зачем ты купил сухой кисель? - кричит мама. - Я же просила простой крахмал!

А по мне, сухой кисель даже лучше крахмала, его и так съесть можно.

Вместо того чтобы таскать сок банками, родители давали мне деньги, чтобы я пила сок в овощном. В нашем овощном магазине соки продавали стаканами.

Из банок сок переливали в стеклянные графины с крышками, а стаканы мыли водой под белым пластмассовым колпаком - одноразовой посуды тоже ведь тогда не было.

Самым дешевым был березовый сок, который стоил девять копеек. А самым дорогим - гранатовый, который стоил тринадцать. Если попросить деньги на гранатовый, а купить березовый, то останется четыре копейки. Если два раза попить березовый вместо гранатового, то будет уже восемь копеек. А если вообще не пить, то двадцать шесть! Чистая математика!

И куда, спросите вы, я тратила такие деньжищи? Я покупала открыт-

ки - с зайцами, медведями, с Новым годом и Восьмым марта, с позолоченными надписями и без, с уже напечатанными марками и те, которые нужно было складывать пополам и отправлять адресату в конверте. Но я их никуда не отправляла. Я их в шкатулку складывала, и у меня было, наверное, двести или триста открыток - коллекция, скромное сокровище каждой советской девочки.

А сейчас я уже давно взрослая и ем все-все. Я даже удивляюсь, насколько я стала всеядна, а ведь была такой привередой. Только я по-прежнему не понимаю, зачем надо солить арбузы, ведь они ягоды, а соленые ягоды - это как-то странно, не так ли?

Посылка в Африку

Однажды Петька отдыхал с мамой в санатории. Очень хорошо отдыхал. А вот мама отдыхала не очень хорошо, потому что Петька ел иногда с капризами и вывертами, и поэтому мама говорила, что он ей весь отдых портит. Но все же Петька ел лучше, чем девочка Света, которую вместе с ее мамой посадили в столовой к ним за столик.

Мама Светы была еще больше, чем Петькина мама, измучена Светиными гастрономическими капризами. Света походила на комарика. Ей уже было семь лет, а выглядела она только на пять. На маленьком носу Светы были большие очки, которые, казалось, того и гляди, соскользнут к ней в тарелку, если Светино лицо еще чуть-чуть похудеет.

Мама Светы пыталась уговорить ее съесть хоть что-нибудь, но делала это совсем просто, без всякой выдумки:

- Не съешь макароны - не поедешь на экскурсию в планетарий.

Эти угрозы на Свету совсем не действовали, и даже Петьке было ясно, что Светина мама в своих обещаниях не последовательна - только грозит, но не выполняет.

Не то, что моя мама, не без гордости подумал Петька. У нее и фантазии побольше, и слово она держит. Однажды они с маминной приятельницей и ее сыном Вовкой поехали на прогулку в ботанический сад. Петька с Вовкой так расшалились, что стали кидаться опавшими шишками и желудями, представляя, будто они на войне, а это у них снаряды. Вовкина мама, когда в нее случайно попала шальная пуля-шишка, нахмурилась и сказала:

- Ах, так! Раз вы не понимаете русских слов и никак не можете успокоиться, то в кафе мы сегодня не поедem!

И Петькина мама тоже сказала:

- Конечно, не поедem, какое им еще кафе с таким поведением.

Но потом Вовкина мама, когда они уже собирались уходить из ботанического сада, все же сказала маме Петькиной:

- Может, все-таки в кафе?

Но Петькина мама заупрямилась:

- Ну, уж нет, никакого им кафе!

И они поехали вместо кафе к ним домой жарить картошку. В кафе бы им, конечно, дали мороженое, но жареная картошка - тоже неплохо. Петька даже тогда свою маму немного зауважал. У них во дворе все старшие ребята говорили: «Пацан сказал - пацан сделал». И вот мама как сказала, так и сделала. Как настоящий пацан. А еще Петькина мама могла кататься на велосипеде и даже на роликах. В санатории, где они отдыхали, из взрослых только мама каталась на роликах. И она даже показала мальчишкам место, где лучше асфальт для катания.

И вот в столовой, насмотревшись, как мучается со Светой ее мама, Петькина мама решила прийти ей на помощь:

- Знаешь что, Света, я думаю, надо уволить всех здешних поваров.

Света насторожилась.

- А что? - продолжала мама Петьки, - раз готовят еду, на которую дети даже не смотрят, то и делать им здесь нечего.

Но Света все равно к еде не притронулась.

- А что ты, Света, знаешь об Африке?

Света молчала, не желая ни говорить, ни кушать, поэтому мама быстро сориентировалась и сменила тактику.

- Я не очень много знаю про Африку, - поведала Петькина мама, - но в курсе, что люди там живут очень бедно. Дети там вообще голодают. У них ведь почти всегда засуха, ничего не растет. Они даже картошку там не сажают, а мясо едят только тигры и львы. Одна моя знакомая женщина, у которой ребенок тоже плохо кушал, решила однажды написать письмо в Африку. С просьбой подыскать ей там какого-нибудь совсем изголодавшегося ребеночка, который согласился бы приехать к ней на время сюда, в Сибирь. А она бы взамен отправила им своего ребенка, его все равно кормить не нужно, так как он ничего не ест. Соглашайтесь, написала африканцам женщина, это выгодный обмен. Она боялась, что родители не отпустят африканского ребенка в Сибирь, потому что здесь бывает очень холодно.

- А она кого у них попросила - мальчика или девочку? - встрял тут Петька, который так заслушался, что тоже перестал махать ложкой.

- Так как у этой женщины была дочка, она попросила прислать ей африканского мальчика. Для разнообразия, - продолжала свою историю мама. Петька подозревал, что она придумывает ее тут же, за столом, но у мамы получалось очень складно.

- И что же, африканские родители согласились поменяться детьми на время? - спросила Светина мама, которая уже все съела и тоже хотела услышать продолжение истории.

- Конечно. Через несколько дней этой женщине пришло письмо, в котором африканские родители соглашались принять ее дочку на время. Только, написали африканцы, у них нет денег на билет на самолет, поэтому им придется отправить сына посылкой - в ящике с дырочками, в каких обычно перевозят апельсины. Тогда моя знакомая тоже решила отправить свою дочку посылкой.

- А у меня есть большой чемодан. На колесиках, - сказала тут мама Светы.

- Чемодан тоже подойдет, - сказала мама Петьки.

- Детей нельзя отправлять по почте ни в ящиках, ни в чемоданах, - решила тут заступиться за себя Света. - И в Африку посылку тоже отправить нельзя.

- Почему же нельзя? - удивилась Петькина мама. - Очень даже можно. Здесь в санатории есть почтовый киоск, после обеда мы зайдем туда и все узнаем.

- А к этой твоей знакомой женщине приехал африканский ребенок? - снова встрял в рассказ Петька.

- Ешь, Петя, не вертись. Конечно, приехал. Ему купили валенки, шапку-ушанку и теплую куртку. Он быстро привык к зиме и полюбил борщ и пирог с капустой.

- А та девочка, которую отправили в Африку?

- А та девочка загорела, стала черненькой, как негритенок, и волосики стали у нее совсем завитые.

- А я вам все равно не верю, - сказала тут Света. - И в Африку не поеду. Я в чемодан не войду.

- Если доешь котлету, то точно не войдешь, - ответила ей Петькина мама.

- А она, что же, не стала своего ребенка из Африки забирать? - спросил Петька.

- Вот сейчас она как раз думает, стоит ли ей забирать своего ребенка. Или пусть он там еще как следует проголодается.

- А он-то сам домой просится? - снова спросил дотошный Петька.

- Как же ему не проситься. Еще как просится.

- А я бы не просилась, - сказала тут Света, которая уже доклеывала свои макароны.

Когда они вышли из столовой, Петька дернул маму за рукав.

- Что такое, Петя?
- Давай зайдем в почтовый киоск.
- Зачем?
- Узнать про посылки в Африку.
- Ну, давай.

Они подошли к почтовому киоску, и мама спросила у тети, которая продавала газеты и журналы:

- Скажите, пожалуйста, от вас можно отправить посылку?

- Отсюда нет, но рядом есть почтовое отделение. Оттуда можно.

- Скажите, а в Африку можно отправить посылку?

- В Африку? А зачем вам в Африку? Наверное, можно, - сказала тетя.

- А очень большую посылку можно отправить? - спросила мама и незаметно подмигнула тете левым глазом. Тетя спросила:

- Насколько большую?

- Размером примерно вот с этого ребенка, - и мама показала рукой на Петю.

- По почте можно отправить любую посылку.

Потом они пошли принимать процедуры. Петька лежал на столе, где его спину мял руками массажист и думал: «А, должно быть, здорово поехать в Африку в ящике с дырочками. Жалко, что у них там картошка не растет».

А Петька очень любил картошку - толченку, круглую и в супе. И пельмени любил. И еще много других вкусных вещей любил, которых в Африке точно нет. Ну ее, эту Африку. Им с мамой и здесь хорошо.

Ужин для родителей

Однажды мы с Валеркой решили сделать доброе дело. Валерка - это мой брат, ему тогда было десять, а мне двенадцать. Дело было зимой: на улице стоял сильный мороз, мы сидели дома и не знали, чем заняться. Уроки сделали, мультики посмотрели. Скучно. И я говорю:

- Валер, может, родителям ужин приготовим?

Валерка подумал и говорит:

- Это мысль.

А потом еще подумал и говорит мне:

- А мы умеем готовить?

- Не знаю. Надо в холодильнике сначала посмотреть.

Мы пошли на кухню, открыли холодильник и стали изучать, какие продукты для приготовления ужина у нас есть.

- Капуста, - сказал Валерка.

- Нет, капусту я точно готовить не умею, - сказала я.

- Жалко, что колбасы мама вчера не купила. Ее готовить очень легко, - заметил Валерка.

- Да, и сыр тоже легко - порезал и на хлеб положил. А хлеб даже резать не надо, он уже нарезанный продается.

Еще у нас в холодильнике были грибы, селедка, соевый соус, сгущенка, масло.

- Мда, - задумалась я, - это все, конечно, можно совсем не готовить. Но и ужина из этого как-то тоже не получается.

И Валерка со мной согласился. Мы решили еще подумать, а пока думали, съели всю сгущенку. Тут Валерка вспомнил, что у нас есть картошка.

- Ты умеешь готовить картошку? - спросил он.

- Наверное, только теоретически, - сказала я.

- Тогда, наверное, лучше не надо, - сказал Валерка и вдруг начал меня обвинять. - Между прочим, могла бы уже чему-нибудь научиться, тебе же как-никак двенадцать лет! Ты вообще замуж собираешься?

- Замуж! - фыркнула я. - Валерка, ты соображай немного, что говоришь! Мне до замужа еще сто раз можно готовить научиться!

- То есть готовить ты не умеешь... - подытожил братец.

- Я умею! - отрезала я и начала загибать пальцы. - Яйца умею варить, бутерброды делать, салат из огурцов... Пельмени могу попробовать, их варить, почти как яйца.

- Пельмени! - радостно воскликнул Валерка и снова побежал к холодильнику.

Мы, конечно, в первый раз честно изучили содержимое холодильника, но в морозильную камеру заглянуть не догадались. В морозилке лежал большой пакет замороженных пельменей. Мы переглянулись. Валерка взял пакет, а я достала большую кастрюлю.

- Не бери эмалированную, - крикнул мне вслед Валерка.

- Почему это? - крикнула я.

- Мама варит пельмени в другой кастрюле, блестящей.

Я решила послушать Валерку и взяла блестящую кастрюлю. Мне стало обидно, что младший брат учит меня варить пельмени. И я ему сказала:

- А ты ножницы возьми!

- Сам знаю, - отозвался с другого конца кухни Валерка.

Но, конечно, из вредности ножницы он не взял и просто разорвал пакет руками, потому что так папа делает. А еще папа откусывает зубами уголки у молочных пакетов, когда ему лень за ножницами идти. Но это же совершенно не означает, что в таких случаях надо поступать так, как папа.

Валерка рванул пакет так сильно, что мороженые пельмешки за-скакали по столу и по полу.

- Валера! - закричала я. - Ты совсем? Быстро собирай! Они же теперь грязные будут!

- Я помою, - ползал под столом, охотясь за пельменями, Валерка. Ему еще приходилось отгонять Цесю, нашу собаку, которая тоже охотилась за пельменями.

Пока они там ползали, я налила в кастрюлю воды и поставила ее на конфорку. Мы сложили пельмени, которые были все в крошках и пылинках, в дуршлаг и облили их водой из крана. Вода в кастрюле забурлила, и мы покидали пельмени, которые уже начали оттаивать и слипаться, в кипяток.

Пельмени сварились без приключений. Мы не забыли их посолить и даже добавили лавровый лист. Валера держал большую тарелку, а я доставала шумовкой пельмени. Мы добавили к пельменям масла, потом еще украсили сметаной. Потом поставили тарелку на стол и решили, что дело сделано, и пора передохнуть.

- А все-таки мы молодцы, - сказал Валерка.

- Да, - сказала я, - мы еще такого не делали. А давай позвоним маме и скажем, что дома ее ждет сюрприз.

- Сюрприз? - сказала мама. - Лечу домой на крыльях. Целую вас, - и положила трубку.

Мы очень гордились тем, что первый раз приготовили родителям ужин. Мы волновались, достаточно ли наше блюдо получилось красивым и аппетитным, и то и дело бегали на кухню, чтобы проверить, как там наши пельмени.

Мы сбегали вдвоем на кухню уже раз десять, и мне надоело:

- Иди ты один, - сказала я Валерке.

- А почему я?

- Я в следующий раз пойду.

- Ладно, - и Валерка поплелся на кухню.

- Цеся!!! - раздался с кухни крик брата, полный гнева и обиды.

Цеся, бессовестная собака, съела весь ужин, предназначавшийся для мамы и папы, и теперь довольно виляла хвостом и сыто облизывалась. Вот какое мне счастье привалило, думала, наверное, наша

Цеська. А ведь мама уже знает о сюрпризе. Если ужина не будет, то мы, выходит, с Валеркой - обманщики?

- Это ты поставил тарелку на самый край стола!

- Надо было миской сверху накрыть, тогда бы Цеська не достала!

- А я тебе говорила, покорми собаку...

Так бы мы с Валеркой еще долго цапались, если бы не зазвонил телефон.

- Мне сказали, что у нас дома сюрприз! - весело сказал папа. - Мама звонила, просила, чтобы я не задерживался. Уже еду. Страшно люблю сюрпризы.

Мы с Валеркой заметались по кухне - чего бы еще такого нам приготовить, пока едут родители?

- Ты что еще умеешь? - спросил Валерка.

- Яйца варить.

- Да ну тебя с твоими яйцами!

- Ну, давай их пожарим хоть, что ли?

И мы решили рискнуть - приготовить яичницу, которую я еще ни разу не готовила. Только видела, как это делается. Мы достали сковородку, шлепнули на нее кусок сливочного масла:

- Больше, больше ложь, не жадничай, - суетился рядом, помогая, Валерка.

- Тихо ты! Не толкайся! И не «ложь», а «клади», - поправила я брата.

Мне предстояло произвести почти хирургическую операцию: взять в одну руку нож, а в другую - яйцо и разбить его прямо над ско-

вородкой. По яйцу надо было тюкнуть не слишком слабо и не слишком сильно, и чтобы скорлупки не попали в сковородку. Я прицелилась и тюкнула ножом ровно посередине.

- Сильнее надо, - стоял у меня над душой Валерка, - растяпа.

Масло на сковородке уже растаяло и начало шкворчать. Я прицелилась еще раз, яйцо треснуло, я разделила его пополам и вылила на сковородку. Масло начало постреливать. Я взяла второе яйцо.

- Дай мне попробовать! - канючил за спиной Валерка. Всего яиц было восемь - каждому по два, так мы решили с братом.

- Потом попробуешь, - сказала я. - Времени мало, чтобы баловаться.

Я тюкнула по второму яйцу ножом - получилось сильно, и половинка скорлупы упала в сковородку вместе с желтком и белком.

- Криворукая, - зашипел братец и полез ее доставать.

И тут произошло страшное - в нашей квартире погас свет.

- Блин, Валерка, что делать-то? - я растерялась.

- Пока сковородка горячая, может, дожарится. Бей остальные, - ответил откуда-то из темноты Валерка.

- Я же не вижу ничего! Куда бить-то? Фонарик хоть, что ли, принеси.

Валерка сбегал в свою комнату за фонариком и стал светить мне в лицо.

- Идиот! Свети на сковородку!!!

И Валерка направил луч фонарика на сковородку. Первые два яйца уже поджарились. Мы с горем пополам разбили туда еще шесть яиц, и яичница получилась, наверное, сантиметров пять толщиной.

- Крышку найди! Соль подай! - командовала я как хирург, который стоит у операционного стола. Валерка с фонариком метался по кухне, отыскивая солонку и крышку от сковородки. Когда я стала трясти солонку, с нее слетела крышечка, и вся соль высыпалась прямо в нашу злополучную яичницу. Я взяла ложку и выгребла оттуда соль вместе с куском яичницы.

Когда родители ели наш ужин, на зубах у них похрустывали скорлупки. Но мама с папой весело переглядывались и мужественно жевали. Мы с Валеркой отковыряли только по маленькому кусочку, потому что - если честно - есть эту яичницу было невозможно: с одной стороны яйца пережарились, с другой так и остались каким-то студнем, в середине была ямка, из которой добывали соль, а скорлупу было видно даже невооруженным глазом.

- Эля и Валера, спасибо вам большое, - сказала мама, когда доела яичницу. - Очень приятно приходить домой, где тебя ждет вкусный и горячий ужин. Вы такие молодцы, так старались!

- Да, это точно, - сказал папа.

- У меня есть небольшое объявление, - продолжила мама. - Я открываю серию субботних кулинарных мастер-классов, и первый будет посвящен итальянской кухне. Кто хочет научиться готовить пиццу?

И мы с Валеркой подняли руки. Не знаю, зачем Валерка поднял, но мне-то учиться надо - скоро замуж, как-никак.

Малые Блинки

Ариша и Никита очень бабушкины блины уважают. Летом, когда они гостят у бабушки, то каждый день просят испечь им блинов. Однажды бабушка им блины пекла и день, и другой, и третий, а на четвертый устала тяжелые сковородки ворочать и решила им сказку рассказать - про Еремея Сковородника и деревню Малые Блинки.

В одном краю жил мастер по имени Еремей, в народе прозванный Сковородником за то, что умел отменную кухонную утварь делать - котлы, казаны, кастрюли, половники. А особенно хорошо выходили у него сковородки - для любого блюда подходящие.

Вот в своем селе Еремей уже всех жителей утварью сполна снабдил. В соседние деревни на ярмарки ездил. Ездил даже в столицу,

и там царская кухня купила у Еремея большой противень на сто пирогов. А купец Данилов заказал Сквороднику походную жаровню.

Благодаря усердию и трудолюбию жил Еремей Сквородник неплохо - женился на хорошей девушке Марусе, дом поставил, мастерскую новую, побольше, с разными инструментами завел. И все бы ничего, да одна беда: хорошая-то утварь при хорошем обращении годами служит. Перестал брать народ у

Еремея его казаны да сковороды - не надо нам, говорят, хватит, как пройдутся кастрюли, тогда придем.

Сидит Еремей без дела, горюет. Деньги, припасенные на черный день, уже пришлось из кубышки достать. Тут Маруся и говорит:

- Иди, Еремеюшка, в края, где о твоей посуде еще не знают. Возьми с собой котелков да прочей утвари, сколько унести сможешь. И возьми еще голубицу почтовую. Если что тебе в краю чужом понадобится, ты голубицу с запиской отправь, а я тебе с обозом каким-нибудь и вышлю.

Послушал Сквородник умную жену, запряг Каурко в легкую повозку, нагрузил ее разной утварью и поехал в ту сторону, в какую еще не ездил. А были в той стороне леса дремучие, а за лесами, говорят, жили народы разные. Много ходило в Еремеевом краю слухов про

те народы - будто бы и в шкурах ходят, и грамоте не обучены, и даже песен не складывают, такие темные.

Ехал наш мастер на своей повозке да и не заметил, как солнце ему макушку напекло, и задремал Ерема. А когда проснулся, увидел, что въехал его Каурко в дремучий лес. Сумрак в лесу, деревья обомшелые, птиц не слышно. Тишина, только котелки за спиной погромычивают. Смотрит Ерема по сторонам и опасается, как бы нечисть на него лесная не напала.

И тут чует Сквородник - блинами в этой глухомани запахло. По еду, думает Еремей, на запах. Даже если там сам леший блины печет, уж я ему свои сковородки продам, сговоримся как-нибудь и с нечистой силою, некоторые хозяйки пострашнее лешего будут.

И давай Еремей своего Каурко нахлестывать, и на запах вожжами править. Недолго ехать пришлось -

скоро лес закончился, началось большое поле пшеничное. А запах все сильнее становится. У Еремы уже и слюнки текут - такой блинный аромат сильный, и он пуще лошадку погоняет. А скоро за полем и деревня показалась - крыши соломенные, дома беленые, улицы широкие.

Не знакома Ереме эта деревня. Значит, радуется он, весь товар продам, с доходом домой к жене скоро вернусь.

Проехал он деревней, остановился на площади и свою утварь на повозке разложил. И еще не стесняется, народ зазывает:

- Подходи, хозяйюшки! Подходи, хозяйева! Кастрюли звонки, чугунок для печек, для пирогов противни! Все есть, что на кухне требуется!

Стали жители той деревни к Еремеевой повозке подтягиваться. И каждый, кто ни подойдет, только сковороды и спрашивает.

- Возьми, хозяйка, чугунок - щи варить будешь! - нахваливает свой товар. - Возьми тогда кастрюлю - по самой последней городской моде будешь фрикасе до консоме мужу готовить! Мою посуду даже при царской кухне знают.

Но не берут у Еремы хозяйки ни чугунок, ни кастрюли, ни противни. Только сковороды влет расходятся - и большие, и маленькие. Что ж, думает Ерема, и то хлеб. Хоть немного денег, да выручу.

Свернул он к вечеру торговлю, деньги в кошелек за пояс сложил, и пошел место для ночлега себе искать. Выехал за деревню, видит, пастух стадо коров домой гонит.

- Паря, - зовет его Сковородник, - можно, я тут у копёшки лагерем стану да переночую? Костер разведу, да ужин себе изготовлю?

- Чего же нельзя? Можно, - отвечает пастух, - становись. Хозяйки коров разберут, и я к тебе гостем приду, харчей привезу.

- За компанию спасибо, - говорит Ерема, - приезжай.

Распряг Сковородник Каурко, пастись отпустил. Сам треногу поставил, котелок подвесил, огонь развел, достал припасы, любимой Марусей в дорогу даденные, и кулеш себе варит. Приезжает к нему пастух и спрашивает:

- Чем это тут у тебя пахнет?

- Кулеш варю - с крупой, мяском, да картохой, - отвечает Еремей.

- Что за блюдо дивное? Отродясь такого не слыхивал, - удивляется пастух.

- Да ты попробуй, - и дает ему Ерема миску с кулешом.

Ест пастух и удивляется - ах, какая еда вкусная и необычная.

- Это что, - говорит Ерема, - вот жена моя Маруся такой борщ варит, что полдеревни собирается пробу снимать. И котлеты жарит, и рыбу в печке томит, и птицу всякую-разную яблоками фарширует.

- Твоя жена, небось, иностранка, - говорит пастух, - и блюдами заморскими тебя потчует. Сколько живу на свете, ни о каком борсче, ни о каких каклетах не слышал.

- Что ты, паря, - говорит ему Ерема, - все наши блюда, русские! Есть еще каши изюмные, пироги замудренные. А какой моя Маруся кисель облепишный варит - ммм, вкуснятина!

- Да ты сам как будто не по-нашему говоришь, - еще больше пастух изумляется, - все из тебя слова какие-то незнакомые сыплются. Кисель какой-то еще выдумал...

- Да говорю тебе: все правда, есть и слова, и блюда такие!!! - руками Ерема машет. - Ну, а вы тогда здесь чем питаетесь?

- Да все блинами всяко-разными: и конвертиком, и стопочкой, и начинкою, и без нее. А к ним смятанка, маслице, творожок. А больше и нет у нас ничего, никакой другой еды не знаем. Да вот же, я тебе принес блинов нашенских.

- Чудная у вас деревня, - тут уж пришла Еремина очередь удивляться. - То-то я думаю, что это у вас хозяйки только сковороды и покупают? Ни разу о такой деревне не слыхивал. Как называется-то деревенька ваша?

- А не мудрено, мил человек, что ты о нас не слыхивал. Мы в стороне от мира живем, дремучим лесом отрезаны. А называемся мы Малые Блинки - потому что, сколько нам блинов не испеки, а все мало. Когда наши тут обосновались, сильно голодно было. Хорошо, лужки здесь были небольшие - коров завели. Потом по краю леса пни выкорчевали - пшеницу посеяли. Хозяйки курей держат. Вот блинами одними и питаемся.

- И не наскучило вам одни блины есть? - спрашивает Сковородник.

- Да как же ж, наскучило, - отвечает пастух. - Только гости, вроде тебя, к нам уже лет двадцать не заезжали. Новостей не знаем, что в мире едят, не ведаем.

- Да как же живете вы? - теперь уже Ерема изумляется.

- Да так и живем. Бабы, когда ругаются, блинами кидаются. Когда помрет кто, то блинами все его поминают. Девку взамуж когда выдают, мукой, яйцом да маслом приданое за нее дают. Яйцом да мукой опять же расчет тому, кто к соседу в работники нанялся.

- А коров, курей чего не режете, мясо не едите?

- Не знамо каким ветром занесло к нам в деревню одного индуса. Он сам мяса не ел и нам не велел. Давно помер, а привычка осталась. Мы бы и рады мяса попробовать, да уже не помним, с какого бока к курице да к корове подойти, чтобы это мясо добыть.

- Ну, это не беда, я вас мигом мясо добывать научу.
- А что из того мяса люди делают? Чего готовят?
- Ну, вот котлеты, к примеру, я давеча про них тебе рассказывал...
- А каклеты научишь?
- По котлетам мастер у меня Маруся.
- А как бы нам твою Марусю в наши Малые Блинки позвать? - спрашивает пастух.

И вспомнил тут Ерема о почтовой голубице, которую ему Маруся в дорогу дала. Достал Сквородник из-за пазухи лоскут бумаги, карандаш и написал письмо своей женушке: мол, собирайся, душа моя, в дорогу, жителей Малых Блинков выручать. С собой возьми картохи мешок, капусты кочан, свеклы кошелку, других продуктов, приправ всяких, облепешки для киселя нарви, да поваренную книгу не забудь. С обозом до дремучего леса доедешь, там сойдешь, а я тебя с Каурко встречу.

А Маруся так по своему Еремке уже соскучилась, что мигом в дорогу собралась, возле леса с обоза сошла и на шею Сквороднику кинулась.

- Ах, Еремушка, жив-здоров ли? Разбойники в дороге не напали, злые люди ли на торге не обманули?

- Нет, Марусюшка, все со мной в порядке. Да решил я тут в одной деревне на время остаться - больно уж тут люди несчастные: никакой еды, кроме блинов не знают. Вот тебя вызвал, чтобы ты здешних хозяюшек разным блюдам научила.

И стали Маруся с Еремеем Сквородником в деревне Малые Блинки всех кулинарному делу обучать. Еремеева утварь вся до последней кастрюльки разошлась, как только хозяйки кашеварить научились. Марусину книгу поваренную в каждой избе переписали и в шкафчик рецепты положили. Узнали малоблинковцы и про «борсч», и про «каклеты», и про кисель облепешный.

И вот настала пора гостям на родину уезжать. Оставайтесь, говорят им жители деревни Малые Блинки, ты, Ерема, обещал нас еще научить картоху из земли выкапывать.

- Сами сообразите, - отвечает Сквородник, - а нам с Марусею домой пора.

Вернулись они в свою деревню, а там уже по Сквороднику соскучились - у кого кастрюлька прохудилась, у кого жаровня жар не держит. Понадобилась людям новая утварь, и снова пошла работа у Еремея Сквородника. И даже с царского двора большой заказ пришел - на противень на пятьсот пирогов и трехведерный котел для ухи осетровой. А купец Данилов письмо прислал - просит изготовить по заморским чертежам штуку для жарки мяса под названием «барбекю», так как пошла среди купцов новая иноземная мода. Вот такие дела.

Испорченная бабушка

Разве могут быть испорченные взрослые? Нет-нет, что вы, боже упаси. Взрослые ни за что не признаются, что в них что-то... э-э-э... испортилось, сломалось или заболело. Не хотят расстраивать детей, наверное. Мы же такие, думают взрослые, с нас пример берут, мы ни в коем случае не должны портиться или ломаться. И изо всех сил стараются выглядеть исправными, правильными или здоровыми. Даже если у них не гнется в колене правая нога и прихватывает сердце.

Ну, что же, я их понимаю. В общем-то, и правильно. Что подумают дети, если взрослые начнут вести себя как испорченные дети? Кошмар, подумают дети, мир рушится! Только что вот взрослые были еще абсолютно правильные - «ешь суп! мой руки! не грызи ногти! не ковырай в ухе!» - и вдруг бац! - совсем испортились. Допустим, легли на диван и ни-че-го-шень-ки не делают, даже обед не варят и уроков делать не заставляют.

Нет, не может такого быть, скажут дети. Это вы все придумали. Неправда это. Почему же не может и почему же неправда? Очень даже может. Ну, вот хотя бы так, например.

В одно прекрасное утро Вагаси проснулся в хорошем настроении. А все потому, что приснился ему хороший сон, а не какая-нибудь страшнюшка. В хорошем сне Вагаси плыл по озеру на оранжевом надувном матрасе, а над ним летело его знакомое облако, приглашая попить чаю. Вот доплыву до берега, думал во сне Вагаси, и пойду выпью чаю с облаком и печеньем. Да-да, прекрасная мысль, подхватил живот, гребь скорее к берегу. И начал его живот так понужать да поторапливать, что Вагаси проснулся.

Из кухни в это время доносился чудесный, золотистый, поджаристый запах картофельных драников. Было слышно даже из спальни, как потрескивает масло, когда сковородка недовольно принимает на свою большую черную раскаленную ладонь очередную порцию тер-

той сырой картошки. Бабушка зажаривала драники до громкого хруста, и чтобы они не обжигали нёбо и язык, нужно было искупать пылкий драник в прохладном белом облаке сметаны и запить стаканом молока. Все это звучит прекрасно, да и на вкус тоже замечательно. Одно только смущало Вагаси - этот лук, нельзя, что ли, совсем обойтись без него? Как будто без лука драники стали бы хуже, думал Вагаси. Наоборот, они стали бы еще замечательнее. Он всегда старался распилить драник ребром вилки на мелкие кусочки и выбрать из него бледно-зеленые ошметки лука. Ну его! Фу-фу, беее, какая гадость!

Если не считать лука, то в остальном утро, да и весь день, обещали быть прекрасными. Хотя, вполне возможно, что день будет не такой прекрасный, как обещает утро - такое тоже случается. Вагаси умылся, пригладил мокрой лапой вихор на макушке, промокнул мордочку свежим полотенцем и вышел на кухню, будучи готов вступить в сражение с бабушкой, которая, как всегда, начнет заступаться за свой ненаглядный лук.

А бабушка на кухне танцевала в клубах этого золотистого, с легким привкусом обжаренного лука, драничного аромата. Танцевала ее гулька, собранная на затылке из реденьких седых волос. Танцевала ее сутулая спина, перевязанная в поясище мохнатой шерстяной шалью. Танцевала в

ее руках даже сердитая раскаленная сковородка, которая пофыркивала капельками масла. Сразу было видно, что у бабушки сегодня какое-то особое, озорное настроение.

А на столе, а на столе уже высилась в большом блюде гора хрустящих, с твердыми краешками пышных обжаренных картофельных лепешек. Под какую музыку танцевала бабушка? На самом-то деле, музыки никакой и не было. Шипело масло, гремела посуда, шаркали тапки, кипел чайник - все эти вроде бы обычные звуки сами собою складывались в прекрасную мелодию, которая уверяет нас в том, что сейчас нас приласкают, напоят чаем и даже вкусно накормят. Для утра это самая лучшая музыка. Потому что не очень-то весело просыпаться в полной тишине и самому плестись на кухню добывать себе пропитание.

Бабушка уже поставила на стол тарелочку для Вагаси.

- Что, опять с луком? - сказал Вагаси, усаживаясь на табуретку и подтягивая себе поближе тарелку и соусник со сметаной.

- Опять, - ответила бабушка, продолжая выкладывать большой ложкой сырую картошку на сковородку.

- Ясно, - вздохнул Вагаси и подумал еще: а не зачехляться ли ему, как обычно? Устроить, к примеру, голодовку, чтобы бабушка наконец-то одумалась и перестала бы пичкать его луком, засовывая его во все блюда, кроме, пожалуй, компота.

Но бабушка его опередила.

- Не ешь это ни за что, - сказала она, отодвигая от него большое блюдо с драниками и соусник со сметаной.

Вагаси аж опешил от такого поворота событий. И снова подтянул к себе тарелку.

- Да и зачем тебе вообще завтракать? - спросила бабушка, шлепнув его по лапе. - Глупости какие. Ты же совсем еще не голоден! - промурлыкала бабуля и пошла дальше танцевать по кухне.

- Бабушка! - воскликнул Вагаси. - Как же так? Я есть хочу!!!

- Нет, нет и еще раз нет! - отрезала бабушка и легонько вытолкнула внука из кухни.

Ну и дела, подумал Вагаси, что это с ней? Уже с утра странная какая-то... И чем теперь прикажете заняться на голодный желудок?

Он вернулся в комнату и уселся у окошка. Что-то я не понял, напомнил тут о себе пустой живот, нас сегодня покормят или нет? Ну, видимо, нет, подумал ему в ответ Вагаси. Плохо, ответил живот и обиженно замолчал.

Обычно после завтрака жизнь становилась совершенно ясной: поел - помыл посуду - пошел гулять. Ну, а если еды не дают, и в мытье посуды нет необходимости? Может, сразу пойти гулять?

А почему бы и нет, приободрился Вагаси, можно и сразу погулять. Это даже еще лучше. А там посмотрим. И он пошел в прихожую, чтобы взять мяч или велосипед, или еще что-нибудь.

Но тут в прихожую выплыла из кухни бабушка.

- Ты куда это собрался? - спросила она. - Никак на улицу? Ну, иди-иди. Только шапку вот эту не надевай ни за что! Я тебя просто умоляю, - бабушка прижала свои сухие лапки к груди. - Там такой ветер, холодно очень. Шапка в такую погоду совершенно ни к чему, еще улетит вдруг... Для ушей шапка вообще вредна - так давит, так давит, оглохнуть можно. Лоб еще потеет, шея чешется - да ну ее!

У Вагаси даже мячик из лап выкатился. Вот дела! Чтобы бабушка - и шапку ему запрещала надевать! Да вот же, еще только вчера, на этом самом месте стояла и сулила ему три страшные болезни: отит, ларингит и менингит, если он немедленно не наденет шапку.

- Надевай сейчас же!!! - топотала тапочками в прихожей бабушка. - Соплей мне твоих еще не хватало!!! Без шапки не пойдешь!

А Вагаси вчера тоже взбрыкивал лапой и даже бросил шапку на пол. Но, в конце концов, вчера бабушка победила, и он, обиженный на бабушку, шапку и весь белый свет, вышел-таки на улицу в ника-

ком настроении на никакую, то есть совсем испорченную, прогулку. В дурацкой, понятное дело, шапке.

И вот сегодня испортилась бабушка. Прямо наступила какая-то череда испорчиваний и неправильностей, видимо, в бабушкиной жизни - то вот завтраком не накормила, а то шапку теперь надевать не дает...

А бабушка уже вовсю разошлась.

- А ну-ка, дай сюда эту противную шапку! - бабушка схватила бедную шапчонку своими сухими лапками и стала ее - ну не в драку же с ней лезть! - выкручивать и выворачивать из лап Вагаси.

В это время кухня сообщила бабушке сизым дымком и невкусным запахом о том, что у нее подгорела очередная порция драников. Бабушка повела носом и разжала лапки, а затем, держась за свою утепленную шерстяным платком поясницу, кинулась стрелой (если только бабушки могут кидаться стрелой) спасти драники.

Вот чудеса, снова удивился Вагаси бабушкиному поведению, и, пока она не вернулась, натянул шапку до самого носа, и еще шарфик

на шею намотал, и выскочил во двор. Во дворе все бабушкины сегодняшние неправильности тут же забылись, и началась самая обычная прогулка. Часа так на три, если никто не помешает.

Ну, не мне вам объяснять, что в самый разгар прогулки, когда, казалось бы, еще играть и играть, выходит во двор или высовывается в окно, ну, или звонит на мобильный телефон кто-нибудь из взрослых и объявляет голосом, каким, наверное, объявляют войну, о том, что уже пора. То есть все. И никак иначе. Пора обедать, спать или учить уроки. И никаких «ну я чуть-чуть».

Разгар этой прогулки ничем не отличался от разгара какой-нибудь другой прогулки. Так же открылось окно, так же в окне показалась голова любимой бабули...

- Внуче-е-ек! Внучек! - ласково позвала она его. - Ты домой пока не ходи! Ты гуляй пока! Зачем тебе домой? Ты же еще совсем не устал! И обеда-то я никакого не приготовила! И уроки никакие учить не

нужно! - кричала бабушка на всю улицу, высунувшись из окна по пояс. - Вот еще, глупости какие - уроки учить!!! И спать тоже еще рано! Да и не надо это никому!!! И даже если ноги у тебя промокли, то домой и не вздумай заходить! И шапку сними, зачем шапку-то надел, горе луковое!!!

Да что же я тут стою, пронзила вдруг

Вагаси страшная догадка. Бабушка-то всерьез испортилась! Бабушку-то спасать надо!

И он кинулся домой со всех ног. Чем спасать, чем отремонтировать испорченных бабушек Вагаси не знал. Но все же так кинулся в надежде, что решение само придет в его голову.

А что творилось дома, вы себе не представляете! Бабушка в его отсутствие уже успела изрядно набедокурить.

- А я тут убираться решила, - объявила бабушка. - Но ты мне не помогай, нет! Я все раскидаю сама!

На своей любимой кухоньке, такой чистенькой, такой опрятной бабушка развесила драмики на крючки для полотенец и поварешек, разложила их на полки с посудой. Судя по жирному пятну, один драмик лежал у нее в кармане фартука. И еще один, заметил Вагаси, лежал прямо на отрывном календаре, который висел на стене и по весне был еще пухлым и увесистым.

В его комнате на полу лежали обрывки бумаги, цветные стружки от карандашей. Бабушка еще перевернула большую корзину с игрушками и вытряхнула из комода все его теплые носочки, а теперь бегала по гостиной с брызгалкой для цветов и постреливала водой во все стороны.

Виданное ли это дело, чтобы бабушки собственноручно учиняли в квартире беспорядки! Да точно испортилась бабушка, говорю я вам!

Вагаси осмотрел свою комнату - жить в ней после устроенного бабушкой разгрома было совершенно невозможно. Вздохнув тяжело, он начал

складывать свои носки в комод, игрушки - в корзину, а бумажки и стружки - в пакет для мусора.

Обычно нашего приятеля Вагаси нужно было долго упрашивать, чтобы он навел порядок в своей комнате. Но сегодня упрашивать было некому. К бабушке и подходить было опасно - она бы точно начала отговаривать, да еще и мешала бы делать уборку. Бегала бы тут, как маленькая, и разную бы ерунду вверх подкидывала.

Бабушка между тем утомилась и присела на диванчик отдохнуть.

- Ах-ах-ах, - шумно дышала она, обмахивая себя краем фартука. - Что-то я так разошлась сегодня! Как это, оказывается, весело - вредничать и безобразничать. Как будто лет на шестьдесят помолодела!

Испорчена, как есть испорчена! - думал с ужасом Вагаси про бабушку. И как теперь прикажете жить? Кто же будет меня вразумлять, увещевать и наставлять на путь истинный? Кто будет следить за моими ушами, лапами, носом и всем прочим? За питанием, в конце концов?

Видать, грустно заключил он, настала моя пора вразумлять, увещевать и наставлять. Но сперва нужно как-то бабушку успокоить и попытаться починить.

Обычно бабушка выходила из строя очень просто. Она клала лапку себе на грудь, прикрывала глаза и тяжело оседала в кресло:

- Ох, что-то мне нехорошо! - говорила в таких случаях она. - Принеси-ка аппарат, смерим мне давление!

Все дело в аппарате, смекнул Вагаси. Он сбегал в бабушкину комнату, взял там черную манжету, которая надувалась и больно сдавливала лапу чуть выше локтя. А затем стал подкрадываться с этим приспособлением к бабушке, которая уже начала придремывать на своем диванчике.

- Может, не будить ее, - подумал Вагаси. - Может, отдохнет и проснется уже вполне нормальной бабушкой? Но давление я на всякий случай измерю, - и он стал надевать на бабушкину лапу черную манжету.

- А? Что? Кто? - всполошилась спросонья бабушка. - Что такое? Зачем это? Я не сплю! Я не сплю!!! Только самую малость задремала!!! Где мои очки? Это еще что такое?

Бабушка засунула лапку в карман своего передника и обнаружила жирный, давно остывший и посеревший драник.

- Это откуда здесь взялось? Какой ужас! - бабушка возмущенно оглядывала комнату, по которой еще десять минут назад скакала, как юная безобразница.

- Ты еще свою кухню не видела, - сказал ей Вагаси.

- Кухню? А что там? Что ты там натворил, хулиган?

- Бабушка, это ты натворила!

- Я? - возмутилась бабушка. - Да что ты такое говоришь! Разве я могла?

- Могла-могла!

И Вагаси рассказал ей, как бабушка отказалась кормить его завтраком, как пыталась выпроводить его на улицу без шапки, и как кричала ему из окна, чтобы он гулял, сколько ему вздумается, даже с мокрыми ногами. А потом все тут раскидала и полила водой.

- Не иначе у меня вирус, - сказала вдруг бабушка.

- Вирус? - удивился внук.

- Вирус детской поперечности, разновидность «Нет». Болезнь такая, - пояснила бабушка. - Ею все в детстве болеют. А я вот, наверное, не болела, и сейчас, на старости лет она меня и настигла.

- Бабуль, откуда у нас вирус детской поперечности? - сказал Вагаси.

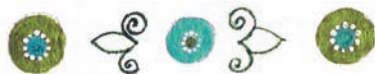
- А ты сам не догадываешься? - спросила бабушка. - Может быть, он с тебя и перекинулся?

И Вагаси вспомнил, как вчера он не хотел надевать шапку, как позавчера отказался от завтрака. Как третьего дня его заносила с улицы домой подмышкой бабушка, так ему не хотелось оттуда уходить. А в субботу, в день больших и малых уборок, он мешал бабушке наводить

порядок и мусорил, раскидывал и растаскивал. И тоже постреливал водой из брызгалки для цветов.

Нет, решил Вагаси, это совсем не дело, когда взрослые болеют детскими болезнями. Испорченная бабушка - это еще хуже, чем испорченный ребенок. И чтобы впредь вирус детской поперечности, разновидность «Нет», больше не испортил его бабушку, Вагаси решил при случае перекинуть на бабулю вирус детской безупречности, разновидность «Да».

- Ты отдыхай, - сказал он, укрывая бабушку пледом. И нежно и смущеннодохнул в ее сторону: - Кхе-кхе...

Фея Маруся и мистер Муркотт

Сказка-бродилка для хорошего аппетита. Читать с воображением

Г л а в а 1

Вы только не думайте, что фей не бывает. Еще как бывают. И они вовсе не прячутся, если только не захотят поиграть в прятки. Я даже знаю, как узнать настоящую фею среди других девочек. Если у нее мягкие белокурые или каштановые локоны, которые, словно тучка, лежат на плечах, если у нее пухлые капризные щеки, темные кудрявые реснички, дырка вместо переднего зуба и ей лет шесть или около того, то это точно она.

Но ей, конечно же, не говорят о том, что она фея. Родиться феей - ну, и что? Прямо скажем, особенного в этом мало, если не обладаешь ни одним из фейных умений. Вот была бы какая-нибудь школа... Давным-давно были такие школы, но их закрыли. Феи, по сравнению с обычными людьми, жили очень-очень хорошо, ну просто распрекрасно. Как тут не позавидовать? Получила диплом, махнула палочкой - вот тебе и принц, и маленький симпатичный замок, и рядом обязательно отыщется сундучок с золотом. А захочет фея поработать, так все равно у нее все будет получаться лучше, чем у обычных девчонок. Даже если она вырежет из салфетки снежинку, все скажут: «Ах, как удивительно! Вот она, печать волшебства...»

И вот однажды Главный Человек в государстве решил (а на самом деле просто позавидовал), что феи подают маленьким девочкам не очень хороший пример, и отправил их в бессрочную командировку - куда подальше, лишь бы с глаз долой. Главный Человек распорядился, чтобы все считали, будто бы фей среди людей никогда и не было.

Вот так-то. И где они живут сейчас, неизвестно. Но иногда они появляются среди нас, и все эти случаи описаны в сказках.

Иногда, по какой-то явной случайности, феи рождаются в обычных семьях. И если родителям хоть на чуточку показалось, что жизнь с появлением на свет девочки стала немного волшебнее, то так оно и есть - родилась самая настоящая фея. Но рассказать ей об этом никто уже не сможет. Память у взрослых - это как тщательно протертое от пыли зеркало: оно видит только то, что видит, а помнит только, что видело.

Девочке Марусе, с которой я хорошо знакома, скоро будет семь, и у нее пока есть все, что и должно быть у феи, и даже с перебором - вместо одного зуба у нее не хватает целых трех, и говорит она, по-свистывая, как крохотная птичка. Она иногда тайком подкрашивает ногти фломастером (что поделать, уж феи любят так любят украшать себя!). У нее время от времени появляются новые родинки - еще вчера не было, а сегодня уже красуется на лбу маленькая точка цветочного меда. Пальцы у нее такие щекотливые, что рассмешат любого и без всякого волшебства.

А раз наша Маруся - фея, то должна была с ней приключиться волшебная история. И она, конечно же, приключилась.

Г л а в а 2

Однажды утром Маруся задумчиво сидела над тарелочкой с овсяной кашкой. Кашка была вкусная, но какая-то... невеселая, что ли. «Вот бы сделать ее немножко повеселее, - подумала девочка и положила в кашку ложечку варенья, а потом еще одну и еще... Кашка стала совсем синяя и совсем грустная, и ничего больше не оставалось, как перемешивать ее и перемешивать.

- Ну, ты же опять ничего не ешь! - сказала мама. - Можно узнать, почему?

- Да она совсем грустная какая-то! - сказала Маруся.

- Грустная? Новенькая отговорочка... Что же, мне ее теперь готовить с песнями, а подавать с танцами? - спросила мама. - Я и так на кухне целыми днями танцую. Или ешь, или иди из-за стола!

«Эх, мама! - подумала Маруся, - ну как же можно есть то, что лежит у тебя в тарелке и совсем не улыбается... Каша такая серая и тоскливая. Вот если бы это была золотая сырная корочка на горячей пицце... А каша... Скучота».

Тут надо сказать, что все феи - плохоежки. Они так любят помодничать за столом, и в этом для родителей не было бы ничего удивительного, если бы они прочли хотя бы один учебник по воспитанию фей. Но, как мы помним, ни школ, ни учителей, ни даже учебников для фей не осталось. Остались только разные волшебные предметы, но без волшебных слов они не работают, и в этих предметах нет ровно никакого смысла. Их можно только коллекционировать или просто любоваться ими.

Если бы Марусиной маме попался такой учебник, она бы точно знала, какая еда мила ее девочке. Допустим, какой-нибудь цветочный суп, ягодные котлеты или что-то такое пушистое и сладкое, которое

по правилам давно забытого этикета едят, облизывая все пять пальцев сразу. Все, что осталось из фейной кулинарии - это ромашковый чай, шиповниковый отвар, душистый мед и малиновое варенье. Но эти вкусные вещи мама давала только тогда, когда Маруся болела. И, надо сказать, что они здорово помогали. Еще бы не помогали! Это же самая настоящая фейная еда.

А вот ко-фейный напиток в те давние времена пили взрослые феи. И, когда я пью кофе вместе с мамой Маруси, я думаю: «Неужели она тоже могла оказаться феей? Когда ей было лет шесть?»

Но кофе пил и Марусин папа, а уж папа точно не мог быть феей, потому что в детстве он был мальчиком. Давным-давно, когда девочки учились волшебству и благородным манерам, мальчики больше глядели на звезды, придумывали разные машины, а в голове у них шумело далекое море. И если такой мальчик обещал вырасти и открыть новую звезду или отыскать никому не известный остров, то так оно и бывало. Специально для него загоралась новая звезда, которая сигналила «Меня нужно срочно открыть», а волны в далеком море крупинка за крупинкой наносили землю для будущего острова, и когда мальчик подрастал, был уже готов и остров - приплывай и втыкай в берег веселый пиратский флаг.

Г л а в а 3

Проще говоря, мама воспитывала и кормила свою фею совершенно наобум, полагая, что котлеты вкусны, борщ наварист и свеж, а потому не могут быть не съедены. Отказаться от котлеты - это было совсем недопустимо с точки зрения мамы.

- Вот отдам твои котлеты голодным детям в Африке, - грозилась мама, - и сама к ним уеду, да холодильник с собой прихвачу, и всю картошку из погреба. А вы тут немножко поголодайте! - обычно говорила мама, если Маруся не хотела есть очередной суп или гарнир.

Но однажды мама сменила тактику.

- Хорошо, - сказала она, - не хочешь - не ешь. Но я тебя честно предупреждаю: не сиди больше у открытого окна. Ты же еще не слышала о такой редкой детской болезни - ветринке? Только не путай ее, пожалуйста, с ветрянкой. Ветрянка не имеет никакого отношения к еде. Ветрянку-то лечить очень просто: как только доктор пересчитает все пупырышки на теле у больного ребеночка, а на следующий день придет и не найдет ни одной новой, то, считай, и дело идет на поправку. А ветринка - совсем другое дело: унесет голодного ребенка ветром, как пушинку, и где его потом искать, как лечить, про это уж никому неизвестно, - сказала мама и стала отмывать посуду.

«Врет, наверное, мама, - подумала девочка, - никогда не слышала, чтобы детей уносило ветром». Детей-то, может, и не уносило. Но фей-то запросто. Даже странно, что Марусина мама знает об этой болезни. Может, она что-то припоминает о своем фейном прошлом?

Маруся у мамы однажды так и спросила:

- Mamочка, а может быть, ты чуть-чуть волшебница?

- А как же! - засмеялась мама. - Я хоть и не умею читать мысли, но все же знаю, чего ты хочешь. Ведь котенка и коньки, правда? Насчет котенка мой ответ - нет, а насчет коньков... Потерпи, вот будет зарплата, а когда у меня в кошельке деньги, я просто крестная фея Золушки!

«Ну, деньги - это же не настоящее волшебство, - подумала девочка, - так про них все думают, и они и вправду начинают казаться волшебными. Если бы они доставались маме по волшебству, разве бы она ходила каждый день на работу?»

И как только мама сказала про ветринку, тут-то она и случилась.

После завтрака с синей и грустной кашей Маруся отправилась во двор покачаться на качелях. Качели - это что-то совсем невероятное. Если закрыть глаза, то можно подумать, что летишь. А если качели еще и скрипят, то можно подумать, будто какая-то старая птица со скрипучим голосом летит рядом и показывает тебе путь. Может

быть, это ворона решила сопровождать тебя в дальнем путешествии? Скрип-скрип, скряп-скряп... Но вот и ворона полетела в свою сторону, а ты - в свою. А ты знаешь, где твоя сторона? Ой...

Маруся открыла глаза и поняла, что и вправду летит.

- Пуф! Испугалась? - весело крикнул южный ветерок.

Он, конечно, не знал, что есть такая болезнь ветринка, которой родители пугают несговорчивых ребятишек, если они поджимают губы и мотают головой, когда ко рту приближается полная ложка какой-нибудь еды.

- Я просто хотел с тобой поиграть, потанцевать... Извини меня. Ты, правда, испугалась?

- Мне так страшно... Не мог бы ты меня поставить на землю, а то что-то у меня голова идет кругом от таких танцев, - тихо попросила его Маруся.

- Прости, я не подумал, - начал оправдываться ветерок, - редко с кем удается поиграть. Я приземлю тебя так мягко, что ты и не стукнешься. Только внизу не очень симпатичное болото. Давай долетим хотя бы до леска.

Что оставалось делать бедной Марусе? Только согласиться. Если прыгать прямо с ветра вниз, то будет ой-е-ей как больно. Ветерок поднес ее к краю леса, где росли пушистые сосны на длинных загорелых ножках и другие деревья, и бережно опустил ее на песочек и сухие сосновые иголки.

- Ну, как же так? Почему ты меня не спросил, хочу ли я полетать с тобой, - начала упрекать его девочка.

- Прости, я совсем еще маленький ветерок и пока плохо знаю, что можно делать и что нельзя. Но ты же на меня не сердишься, ведь мы так славно летали. Если бы ты не закрывала глаза, то увидела бы, какие красивые места мы пролетали. Я так давно хотел их кому-нибудь показать! Но все дети такие тяжелые - только и получалось, что отобрать у кого-нибудь панамку или воздушный шарик.

- Я не сержусь, - сказала Маруся, ведь ветерок и вправду был еще совсем малыш. - А теперь ты не мог бы точно так же меня поднять и отнести домой?

- Знаешь, по-моему, я заблудился и теперь не знаю, в какой стороне твой дом. Ты подожди меня здесь. А я слетаю, поищу старшего брата, он дует с севера, и мы потом отнесем тебя в твой двор. Никуда не уходи, и мы скоро вернемся.

Ничего не поделаешь, и Маруся постаралась поудобнее устроиться у корней сосны среди иголок и шишек. Облака текли над лесом, расчесывая свои лохматые бока о верхушки сосен. Солнце пригрело усталую головку, и глаза от переживаний и усталости совсем стали слипаться. «Хорошо бы, если бы здесь не водились дикие звери...» - успела подумать Маруся и задремала.

Г л а в а 4

Спала она и час, и два, и проспала бы и все пять, если бы из леса не вышло одно интересное существо и не стало бы внимательно и с удивлением рассматривать спящую девочку. Говорят, что если пристально смотреть на спящего человека, он тут же и проснется.

Марусе приснилась мама, которая смотрела на нее и говорила: «...а куда уж унесет детей, и как их лечить - об этом ничего неизвестно». А ведь мама может рассердиться, подумалось Марусе, и она проснулась.

Напротив нее сидел большой, очень большой черный кот и намывал правую переднюю лапу с белой манжетой. Левая была без манжеты. Причем лапа - это мягко сказано. Огромная когтистая кошачья лапища! Огромного-преогромного кота! Если бы он позволил, Маруся бы могла проехаться на нем, как на пони.

- Да, я большой, и я умею говорить, - сказал кот, - но ты не бойся. Я самый воспитанный обитатель этого колбасного леса.

- Какого-какого?

- Колбасного. Какой кот не мечтает жить поближе к хорошей колбасе. Еще здесь неподалеку есть форелевый пруд и большая молочная ферма. Пока колбаски еще не созрели, и я хожу кормиться туда. Ты не находишь, что я поселился весьма удачно?

- А разве колбаски?

- Висят на деревьях, как миленькие. Вот посмотри-ка...

Маруся подняла голову и увидела - действительно, высоко на верхушке соседнего

дерева висели пузатые зеленые сардельки.

- Я бы сорвал тебе одну... Мне туда взобраться - один раз лапой пошевелить. Но на вкус - бр-р-р! Амбарные мыши и те вкуснее. Ты же еще не очень голодна?

В том-то и дело, что Маруся была уже ужасно голодной. Ведь утренняя кашка так и осталась в тарелочке, а время шло уже к ужину, и солнце начало укладываться в свои, никому не ведомые хоромы. Да и Марусе пора бы укладываться в свою постельку, но вокруг лес с колбасой и рядом странный кот. Мда, дела...

- Ах, прости меня, старика! - спохватился вдруг кот. - Что-то я заболтался, а ребенка ведь еще нужно накормить и устроить куда-

нибудь на ночлег. И еще премного прошу меня извинить, я не представился. Меня зовут мистер Муркотт. - Он склонил свою большую лохматую голову, взял мягкими лапами ладошку Маруси и сказал:

- Ну, вставай и пойдём на ферму. Лес, хоть и колбасный, но... Есть у него еще одно название - Чиам. Тихо тут и спокойно, но все же, все же... Ночевать ребенку под открытым небом уж точно не следует.

- Чиам - а что это значит?

- А значит это примерно вот что: «Чего здесь только не происходит, и не все из этого понятно нам». Сокращенно - Чи-ам. Вся жизнь у нас, можно сказать, Чиам.

- А что тут может быть непонятного?

- Говорящий кот - такое же тебе не совсем понятно, верно? И есть тут еще кое-что... Ну, идем - ты расскажешь мне свою историю, а я тебе - свою.

И они пошли по еле заметной в сумерках тропинке, и мистер Муркотт рассказал ей, почему он вырос таким большим и научился говорить.

Г л а в а 5

Когда феи и люди еще жили вместе, они договорились, кого будут выбирать себе в помощники. Люди выбрали собак и лошадей, а феи - кошек. Ведь кошки обладали почти волшебными умениями - пускали в темноте зеленые электрические искры, бесшумно исчезали из виду и бесшумно появлялись. Кошки любили иногда подурачиться. И если они были в хорошем расположении духа, то позволяли феям потормошить себя.

Лошади и собаки были совершенно серьезны - они только работали и охраняли, охраняли и работали. Никаких игр, никаких искр, никакого волшебства. Если бы лошади и собаки могли говорить, они бы сказали: «Мы помогаем людям, люди без нас никуда. Они не отдыхают, не отдыхаем и мы. Играйте с кошками, а нас оставьте в покое».

Когда в кошачьем семействе рождались котята, феи давали им имена и повязывали на шейки разноцветные ленточки. Мистер Муркотт родился очень давно, но все же еще чуть-чуть помнил, как маленькие щекотливые ручки одной миленькой веселой феи почесали ему за ушком и повязали голубую атласную ленточку. Котенку было очень приятно, и он громко замурлыкал.

- Ну, пусть же он будет Мури, - сказала миленькая фея и почесала ему животик.

Мури был очень добрый, он полюбил компанию веселых фей и почти с ними не расставался. Куда бегут со всех ножек фей, туда и Мури. Куда направился Мури, туда следуют веселой стайкой фей. Мама-кошка иногда его поучала:

- Сынок, эти феи такие проказницы. Ты уж не поддавайся на их капризы - как бы они чего не созорничали. Да, кошки дружат с феями, но дружба эта такая, что кошкам нет-нет, да и надо недолго погулять где-нибудь в одиночестве. А эти феи могут так закружить голову, что и позабудешь, что ты кот! Да что я говорю! Только ты, сыночек, в их

школу не ходи, где они волшебству учатся. Вдруг они захотят на тебе поучиться?

И феи, конечно же, захотели.

- Лошади и собаки очень добры к нам, но они отказываются играть с нами. Говорят, что им некогда. А у кошек всегда есть на это время. Но они такие маленькие. Вот если бы они были такие же большие, как собаки, и выносливые, как лошади, то они могли бы возить нас в школу, - так сказала маленькая фейка, которая дала Мури имя. - Знать бы мне такое волшебное слово, чтобы мой Мури смог бы катать меня на своей лохматой спине.

И феи, смеясь, стали уговаривать Мури пойти с ними в школу. Что они только не предлагали ему в награду - и вкусный селедочный хвостик, и куриную косточку, и запашистую чесночную колбаску...

- Ну, Мури, ну, котик, - уговаривали его феи, - пойдём с нами в школу, у нас там так весело! Ни один кот еще не ходил на наши занятия. Мы спрячем тебя под партой. Разве тебе не интересно? Разве не любопытно? - лепетали феи. Ах, какие они были добрые и так любили Мури.

И Мури согласился пойти с ними в школу. Он удобно улегся под партой, сначала слушал-слушал про разные фейные премудрости, а потом задремал - он же был еще совсем котенок. А когда проснулся, то вылезти из-под парты не смог.

Дело в том, что феи, пока он спал, шушукались, перекидывались записочками, подбирая для Мури нужное волшебное слово. И вот маленькая фейка, которая дала ему имя, наставила на спящего котенка волшебную палочку и тихо произнесла:

- Мури, расти! Будь большим, как собака, и выносливым, как лошадь!

И Мури под столом начал расти прямо на глазах. Он вырос настолько, что отдавлив феям ножки и уперся головой в столешницу. Феи испуганно завизжали.

- Класс, тихо! - раздался голос учительницы. - Ну-ка, покажите, что у вас там? Неужели в класс забралась крыса? - и она заглянула под парту. - Да нет, здесь у нас знатный крысолов. Что ж, выходи, попробуем тебя чуть-чуть уменьшить.

Мури попробовал вылезти и не смог.

- Делать нечего, ломай, - разрешила учительница. Мури выгнул спину, и крепкая деревянная парта разлетелась на куски. Учительница цепко взяла его за ухо и вывела к доске. - И сиди смирененько, пока я тут тобой занимаюсь.

Учительница достала из-за пояса волшебную палочку и направила ее на Мури:

- Мури, стань маленьким котенком, - скомандовала она, но ничего не изменилось.

- Мури, уменьшайся! - стали просить испуганные маленькие фейки. - Ну, пожалуйста.

Мури только хлопал зелеными глазами, но меньше не становился.

- Да что же это такое? - рассердилась учительница на свою волшебную палочку и в отчаянии выбежала из класса. Вернулась она с феями-директрисой. Директриса посмотрела на Мури через круглое стеклышко, которое висело у нее на груди на длинной цепочке, и сказала:

- Неплохо. Добротное волшебство. Той, которая это сделала, я поставила бы «отлично». Но юная фея, видимо, забыла, что у каждого волшебства должен быть обратный ход: заколдовал - потом расколдовал, если надо. И раз мы не можем уменьшить этого котенка обратно, то я назначаю виновнице переэкзаменовку по всем волшебным предметам. Ну, а ты, дружок, - обратилась она к Мури, - будешь теперь котом-великаном и джентльменом. Ты будешь умен, вежлив, и твои манеры будут удивлять всех. И раз феи перед тобой виноваты, то я, чтобы ты на них не обижался, научу тебя говорить. Сначала это всех удивит, а потом ты станешь всеобщим любимцем, и даже люди привыкнут к тебе. А пока не пугай их сильно своею новой внешностью и

талантами. Алле-ап! - сказала директриса, глядя Мури прямо в глаза. - Ну, что скажешь?

- Я, пожалуй, пойду... - сказал Мури сильным голосом и выбежал из класса.

Он бежал-бежал, пока не упал под какой-то куст, немножко поплакал, потом просто попереживал. А потом пошел к маленькому пруду, чтобы рассмотреть себя получше. Разглядывая свое отражение в воде, Мури нашел, что он очень красив. А раз красив, то стоит ли обижаться на фей? И решил, что не стоит. Найденная в лесу девочка очень напомнила ему тех милых фей. Может быть, она тоже фея?

Когда феи нашли его возле пруда, они кинулись обнимать кота и извиняться. Они отвели его в колбасный лес и сказали:

- Люди никогда не видели таких больших котов. Не пугай их, поживи немного здесь. А мы всем расскажем, каким ты стал, и тогда ты выйдешь из леса. Тут столько колбасы, есть пруд, где много рыбы, и молочная ферма, где за коровами приглядывает добрая хозяйка. Мы договорились с ней, чтобы по вечерам она оставляла тебе немножко молока.

Мури так и жил. Феи заглядывали к нему в гости, а потом вдруг исчезли. Мури все ждал их, а потом и ждать перестал. Со временем он познакомился с хозяйкой фермы, и она ему сказала:

- Ну, какой же ты Мури? Ты уже такой большой и важный - настоящий мистер Муркотт, - и стала оставлять ему по вечерам еще больше молока.

Г л а в а 6

Вот к этой-то хозяйке мистер Муркотт и вел сейчас Марусю. За разговорами они не заметили, как добрались до фермы. В полной темноте было слышно, как в коровнике струйки молока ударялись о стенки жестяного подойника, а еще кто-то шептался и тихо хихикал, будто прыскал в кулачок.

- Хозяйка, смотри, какая гостья очутилась в нашем лесу! - позвал кот.
- Обожди, Мури, - ответила ему хозяйка откуда-то из темноты, - сейчас подою последнюю корову, а там и посмотрю.

Когда она вышла из коровника с полным ведром молока, Маруся уже спала, сидя на резном крылечке, выкрашенном голубой краской.

- Батюшки! - удивилась хозяйка. - Неужто фея? Давненько их не было в нашем лесу. Откуда ж такая? Помоги-ка отнести ее в дом, - и она повела сонную девочку под руки в дом, а кот подталкивал ее своей большой головой. - Да тише ты, смотри, не урони.

Когда Маруся проснулась, веселые солнечные зайчики уже всюду резвились на занавесочках из пестрого ситчика, на обоях с мелким кудрявым рисунком. На окошке как-то очень радостно горела герань. Пахло зеленым лужком, и где-то совсем близко брякал коровий колокольчик. И девочка вспомнила, что вчера поздно вечером они с котом пришли на ферму. Кот усадил ее на крылечко и убежал куда-то за хозяйкой... А потом Маруся уснула и проснулась только утром в незнакомой уютной кровати.

И подушки, и простынки, и пухлое стеганое одеяло были такими белыми, что казалось, будто в деревянную кровать до краев налили молока, и девочка плавает в нем, как в белом облаке.

- Бряк-бряк, - подали голос за окошком коровьи колокольцы.

- Прыг! - прямо на ладошку скакнул солнечный заяц, самый смелый и самый... вкусный! Как он был похож на кусочек сливочного масла - так и хотелось облизать хотя бы одно солнечное ушко!

Другие зайцы тоже прискакали посмотреть на незнакомую девочку и уселись - кто на белой подушке, кто на пухлом одеяле. И все они были похожи на кусочки масла, которые кто-то специально разложил, чтобы... Ну, конечно, чтобы подразнить голодного ребенка!

И Маруся вспомнила, что вчера ей не удалось ни пообедать, ни позавтракать. И так вдруг захотелось кушать, такой вдруг голод подкатил, что Маруся заревела во весь голос.

- Кыш! Кыш, безобразники! - замахала руками на солнечных зайцев старушка, которая прибежала на этот звонкий рев (или на ревкий зов). - Разбудили девочку! А ну, идите, по двору поскочите! - и зайцы послушно порскнули в открытые окошки и горохом рассыпались по траве-мураве.

- Ну, здравствуй, Марусенька! Давненько же у нас в гостях не было настоящей феи. Надеюсь, Муркотт рассказал тебе об этом по дороге? Э, да я вижу, он о себе только и болтал, этот лохматый говорун! Да, впрочем, и я его ничем не лучше - разговорами ребенка ведь не накормишь. Ну, вставай. Умываться, одеваться, причесаться - это все потом, а сперва - завтракать.

И старушкины сухие крепкие ручки легонько подтолкнули девочку через порожек в маленькую кухоньку, где уже стояла красивая белая чашка, и большая белая кружка была уже наполнена сладким чаем. И лежал на столе кусок белого хлеба с таким куском масла, что казалось, будто один из зайцев не убежал во двор, а прилег отдохнуть на щедром деревенском бутерброде.

Маруся уселась за стол прямо в белой ночной рубашечке с кружевами, которая нашлась у старушки в комодике, и заглянула в тарелку.

Что за чудеса? В тарелке лежала овсянка, да такая веселая, что даже немножко прихахатывала и подмигивала круглым глазком растаявшего сливочного масла. Уж такую кашу съесть - и уговаривать не надо!

- А вот у моей мамы, - набивая кашей рот, рассказывала старушке Маруся, - каша-то совсем не веселая. Хмурая такая, серьезная, и никому не подмигнула ни разу.

- Да разве ж такое может быть? - всплеснула ручками старушка. - Ни за что не поверю! Неужели мои коровки сплеховали и дали совсем грустное молоко? Ай-яй-яй. Тогда совсем беда... - старушка и вправду обеспокоилась. - Кто же его теперь такое купит? А мама-то твоя точно на молоке кашу варила?

Хозяйка, как могла, поспешила на сухих ножках к телефонному аппарату:

- Алло! Алло! Это молочный завод? Это говорит хозяйка «Веселой фермы». Скажите, любезный господин директор, все ли молоко с моей фермы вы проверили на содержание смеха? Нет, что вы, господин директор, ничего не случилось. Мои коровы целыми днями пасутся в поле да хохочут без умолку. Так, значит, и с молоком все в порядке? Ах, как я рада! - сказала старушка в телефонную трубку. - Вечером, как обычно, присылайте фургончик - смеху в молоке будет больше, чем обычно. Ведь у меня в гостях мистер Муркотт, а уж он так любит рассказывать коровам анекдоты.

Старушка повесила трубку и вернулась в кухню.

- Вот что, Марусенька, - сказала она, - каша у твоей мамы никак не могла быть грустной. Может, ты ее невнимательно рассмотрела? Или совсем ее не попробовала? Или - что хуже - положила в нее полбанки черничного варенья? Так я и думала! Веселой каше нужны только белый сыпучий сахар, кусочек маслица, большая ложка да голодный рот! Каша у твоей мамы должна быть очень веселая. Ее варят на особенном молоке, которое привозит в город скрипучий фургон, разрисованный всякими картинками. Этот фургон приезжает ко мне на

«Веселую ферму» рано утром и поздно вечером. А дают такое молоко коровы одной очень редкой породы - смешинталь. Уж такие смешливые, просто ужас. стакан молока выпьешь и обхохочешься. Да вот, посмотри-ка на Мури!

Мистер Муркотт и в самом деле шел по двору в очень веселом расположении духа. Он и подмурлыкивал, и пританцовывал, и даже подпрыгивал, и мягко шлепался на свои громадные лапы, и на усах его белели капельки молока.

- Ну, хозяйка, выпроводил я твоих коров на луг. Но перед этим рассказал им парочку свежих анекдотов, и они за это разрешили мне облизать твои подошники.

- Ах, проказник, - покачала головой старушка. - Да уж такой обходительный, что и сердиться на него невозможно, - сказала она и пошла мыть подошники.

- Я вижу, ты тут выспалась, подкрепилась. Можно и снова в путь.

- В путь?

- Ну, ты же живешь не в лесу, а в городе, что за лесом? Туда-то тебя и надо отвести. Мы пойдем по той дороге, по которой рано утром фургон увез фляги с молоком. Ходишь ты, конечно, медленно, поэтому весь денек нам придется потопать лапками. Можно, конечно, погостить денек на ферме и уехать вместе с фургоном после вечерней дойки. Но разве тебе не хочется прогуляться по не совсем обычному лесу с таким разговорчивым провожатым?

- Но, Мури, меня, наверное, совсем обыскалась мама...

- Мама... Что ж, мама только что заглянула в твою комнату и убедилась в том, что ты крепко спишь. Ну, соглашайся же! Тем более, твои родители еще не скоро согласятся взять домой маленького, совершенно бестолкового котенка. А тут я, такой большой и говорящий.

И Маруся согласилась погулять по лесу и не торопиться в город. Вернулась в кухоньку старушка, вытирая руки о фартук. Она умыла девочку холодной водой из жестяного ведерка, велела пополоскать

зубки, а потом натерла грубым полотенцем щечки до легкого румянца. Затем вынула из кармашка изогнутый дугой гребешок и начала расчесывать девочке длинные светлые локоны.

- Коли бы у меня была такая внучка, - говорила старушка, укладывая локоны в косу, - мне все было бы полегче. А то я все одна да одна с коровами. А тем, что ни скажи, только и знают, что смеяться. По душам с ними, бестолковыми, никак не поговоришь. Оставалась бы ты у меня - молоко, свежий воздух. Хочешь, с Муриком погуляй, а хочешь, со мною чаю попей.

Тут гребешок в старушкиных руках кракнул и переломился.

- Ох, и сильна у тебя коса. Последний был у меня гребешок-то. Уж не буду уговаривать тебя остаться. Только ты, как до города доберешься, пришли мне, старушке, гребешок, а я тебе уже и адрес на бумажке написала.

Маруся развернула бумажку и по складам прочитала вслух: «Лес Чиам, «Веселая ферма», Бабе Нюре». Писала бабушка, как маленькая девочка - буква А была хромонога, Ф - худобока, а остальные покрявились и покосились.

- Все верно, - сказала старушка. - А вот тебе еще одна вещица на дорожку. Одна фейка ее на лугу потеряла, а я нашла, - и она протянула Марусе палочку, увенчанную большой кружевной снежинкой.

- Хозяйка, но ведь к палочке должны волшебные слова прилагаться или книжка, где они написаны, - встрял кот.

- А слова по дороге вспомните. А не вспомните, так не беда - не всегда волшебные слова нужны-то. Волшебные мысли куда важнее. А волшебные дела - еще лучше.

- Да как же их сделать-то? Без слов-то, - ворчал кот.

- Не все то волшебство, что палкой машется, - сказала старушка и дала Муркотту маленький кувшинчик со сметаной, - а это соседке передашь, все равно мимо не пройдет. До свиданья, деточки! - и старушка махнула сухой ручкой с крыльца.

Глава 7

И они пошли двориком, затем лугом, где паслись веселые смешинтальские коровы, которые жевали траву и без умолку смеялись. Колокольчики на их шеях тоже как будто смеялись. И когда девочка и кот вышли на дорогу, по которой вечером скрипучий фургон повезет смешное молоко в город, Маруся спросила:

- Мистер Муркотт, а разве я фея?

- Лично у меня так в этом не было ни секунды сомнения.

- И что же теперь?

- А что тебя смущает?

- Ну, наверное, феи должны уметь делать всякие волшебства...

- А ты, видать, ничегошеньки не умеешь?

- Не умею.

- Да что за беда! Если в округе была бы хоть одна фейная школа, уж ты точно стала в ней первой ученицей. Фея, которая не училась в школе, умеет делать только одно, но очень важное волшебство.

- И я умею?

- Да уж не сомневайся.

- А что же я умею?

- А ты и не догадываешься? Феи от рождения наделены только одним волшебным умением. Что очень сильно фея себе намечтала, то у нее и сбудется. Ты же хотела котенка? И вот у тебя есть я.

- Но ты... вроде как... сон?

- Какой еще сон? Я, что, похож на сон? Хочешь, этот сон тебя сейчас поцарапает?

- Но ты же сказал, что я как бы сплю, и мама это видела, и поправила одеяло...

- Ну, сказал. И что такого? Там я сон, тут - не сон. Что непонятного?

- А можно я проверю свое волшебное умение?

- Я так и знал, - кот закатил глаза, - валяй. Только я тебя умоляю - не мечтай о всякой ерунде! Ну, что там у тебя? Вернуться домой? Так мы туда и идем!

- Ладно, убедил. О чем-нибудь серьезном помечтаю как-нибудь потом.

- Нет, дорогая моя, мечтать нужно постоянно. Но не очень сильно - можно замечтаться и пропустить по дороге нужный поворот. А если ты говоришь «потом», то это «потом» может превратиться в «никогда». Сказал «потом» и забыл, а когда вспомнил и понял - уже никогда. Для любой мечты «потом» - самое страшное слово. Мечтай правильно. Если бы я провел в школе у фей не один день, то я тебя чему-нибудь бы да научил. Но мне и одного раза хватило. Смотри-ка, а мы уже пришли. Дорога от фермы до ведьмина огорода - как раз путь ровно от завтрака до обеда.

- Обедать у ведьмы?

- Да ты не бойся. Она давно уже не ведьма, просто старая женщина. Немного поколдовывает в бытовых целях да жалуется на маленькую пенсию. У нее самые лучшие помидоры в округе. Жалко, что я их не ем. Кстати, все называют ее бабкой Ежкой. Но ты будь повежливей, называй ее пани Ежкой - у нее вообще-то польские корни.

Муркотт слегка толкнул лапой неказистую калитку, и за забором тренькнул щербатый колокольчик.

- Эй, кто там? Кого там еще ветром принесло? - донесся недовольный старушечий голос откуда-то из огородных зарослей.

- Это я, Муркотт и еще одна маленькая девочка, которую и в самом деле принесло в наш лес ветром, - крикнул кот, встав на задние лапы и положив передние на забор. - С небольшим гостинцем от Ньюры с «Веселой фермы», - добавил он, и тут калитка открылась сама собой.

Гости пошли по узкой тропинке, и Маруся на ходу едва успевала разглядывать огород пани Ежки. Удивительное дело: там, где росли травы, предназначенные для всяких снадобий и заклинаний, все так

и колосилось. Все, что должно было цвести, пышно цвело. Все, что должно было дать семена, давно было готово сбросить их в землю. Послушные репы, дурман-трава и прелестно-коварные ландыши словно только и ждали команды, чтобы скинуть наконец-то с себя цветочки, ягодки, выставить из-под земли угодливо коренья и подсушить на солнце листья. Но хозяйка собирать урожай здесь явно не торопилась.

А там, где росла картошка-моркошка, зелень была скромнее - не такая яркая, не такая пышная. И видно было, что хозяйке здесь приходится потрудиться - прищипывать, подвязывать, пропалывать и собирать колорадских жуков вручную. Полезными растениями нельзя было управлять с помощью каких-нибудь хитрых заклинаний. «Нам нужны только солнышко, вода и немножко внимания. И чтобы сорняки не душили нас своими колючками. Убери от нас вьюнок, который душит похлеще веревки, и мы дадим тебе и огурцы, и помидоры, и все, что ни попросишь», - говорили полезные растения пани Ежке, когда она пыталась магией заставить их расти быстрее, а плоды - зреть раньше.

Зато вредные растения то и дело просили хозяйку, когда она проходила мимо:

- Ну, скажи нам: «Больше яду», и мы дадим тебе больше яду, - ласково шептала дурман-трава.

- Да ну вас, - отвечала им пани Ежка. - Кому это сейчас нужно? Никто не приходит ко мне за злодейскими снадобьями. Но зато всем нужны всякие там огурчики-помидорчики. Тьфу! Только так теперь и можно заработать старой колдунье.

Пани Ежка вышла к своим гостям из кустов картошки.

- Совсем жук одолел. Оставит меня на зиму без запасов, - пожаловалась она Муркотту. - Обед скоро будет. Пока дожидаетесь, лучше помогите. Ты, мистер этакий, сходи в погреб да излови мышь - третий день там жирует. А ты, - обратилась она к девочке и протянула ей корзинку с сухими стручками, - сиди на крыльце и шелуши фасоль. Как закончишь, так и обед.

Маруся села на крыльцо и стала маленькими пальчиками раскрывать твердые и острые створки стручков и вытряхивать из них фасолины в другую корзинку. Работая, она поглядывала на пани Ежку, которая ловила в картошке колорадских жуков. Девочка решила, что она похожа на ежика - ее большая соломенная шляпа с обтрепанными краями словно была наколота на седые торчащие редкие волосики. А когда старушка

наклонялась за жуком, то казалось, что она сворачивается в клубочек.

В это время вернулся из погреба Муркотт. Он пожаловался:

- Сто лет уже мышами не питался. Пахнет от них погребом-то. Фу-у, гадость какая!

- И ты съел мышку? - воскликнула девочка.

- Очень надо. Вынес за забор, сделал ей внушение, чтоб не лазила по чужим кладовкам, и отпустил с миром. Но рот теперь от мышино-го запаха три дня не отмоешь. У тебя случайно нет мятной жвачки? Может, помечтаешь о ней? Специально для меня?

- Но ты же сам говорил, что не нужно мечтать о всякой ерунде...

- Мда, научил девочку на свою голову, - сказал кот и пошел к колодцу. Там он долго полоскал горло, фыркал и гремел ведром.

- Ежкин ты кот! - закричала вдруг старуха. - А ну тихо! Знаю я, что ты мышей в лес отпускаешь, а они потом обратно приходят. Хватит тебе греметь, иди, сиди тихо на крыльце!

- А почему она называет тебя ежиным? Разве ты ее кот?

- Представляешь, когда-то я состоял у этой женщины на службе. Ну, в те времена, когда она была настоящей ведьмой. Теперь-то она просто добрячка, а тогда... Ты знаешь, тогда у нее тут все было по-другому - так мрачно, так зловеще. И все к ней ходили: поколдуй да поколдуй - то жениха приворожи, то невесту покажи. То, чтобы куры у соседки не неслись, то, чтобы бараны у соседа на чужом поле не паслись. И однажды к ней пришла одна тетка и сказала: «Да разве ж ты колдунья? Вот бывала я у одной колдуньи, когда жила в других местах. Вот у нее все, как полагается - и кот черный, и ворон черный. А у тебя никого нет. Хоть бы котикшу себе какого завела...»

А тут я, по лесу без дела целыми днями гуляю. Увидела меня Ежка и говорит: «Кот-великан, поступай ко мне на службу. Как ко мне тетки деревенские придут, так и ты приходи. В углу сиди, муркай погромче. А если заговоришь по-человечески, то и вовсе хорошо будет». Я и согласился: фейки ведь редко меня навещали, а тут все компания.

И вот приходит снова эта тетка. Я тоже в избушку пришел, у печки лег. Лежу, мурлыкаю себе. Тетка говорит: «Какой у тебя котятто страшный - чистый

демон». Хозяйка моя ей отвечает: «Женщина, вы с меня требовали котика? Вот вам котик. Чем не хорош? Попрошу моего помощника не обижать, а то он и ответить вам может». И тут я говорю: «Мадам, прошу прощения, если вас напугал своим видом. Но внешность моя вполне прекрасна - прилизана, лапой вычесана и даже хозяйским одеколоном слегка надушена». Тетку от испуга словно ветром сдуло. С тех пор у Ежки клиентов стало втрое больше. Имидж, понимаешь? А меня если увидят, то кричат: «Ежкин кот! Ежкин кот идет!»

- А сейчас почему к ней никто не ходит?

- Думаю, что женихам и невестам теперь проще стало друг с другом насчет любви и свиданий договариваться. А куры все равно несутся, и бараны пасутся, где попало - глупые, примитивные животные, не чувствительны ни к волшебству, ни к магии. Так, легкий эффект на короткое время.

Тут сухая фасоль в корзинке у Маруси закончилась, и Муркотт позвал:

- Пани Ежка, мы управились. Корми обедом, как обещала!

- Может, пойдем отсюда? А, Мури? Отравит еще чем-нибудь... - робко сказала Маруся.

- От борща или какого другого супа еще никто не умирал, - ответил кот и весьма галантно распахнул перед старухой дверь, с поклонами провожая ее на кухню.

А на кухне кипела, клокотала, плевалась бульоном маленькая чумазая кастрюлька, такая же нелюбезная, как и ее хозяйка. Видно было, что супу в ней варится ровно столько, чтобы накормить одну старушку, одну девочку и одного большого кота.

По столу вдруг пробежали и расположились сами собой деревянные миски, гнутые ложки, прошла берестяная хлебница, в которой качались ломти серого деревенского каравая. А посреди стола уже стоял маленький белый кувшинчик со сметаной с «Веселой фермы».

Бабка Ежка достала половник и скомандовала:

- А ну, миски, подходи близко! - и миски послушно пошагали к пани Ежке, а потом медленными шажками стали возвращаться к гостям. Одна миска шла уже к Марусе, осторожно переступая, чтобы не расплескать суп. Над миской клубилось такое густое облако пара, что нельзя даже было определить, что же это за суп такой - вроде и не борщ, не грибной, не рассольник...

Маруся взяла ложку и замерла в нерешительности - а вдруг и вправду положила бабка в кастрюлю какой-нибудь травки со своего злодейского огорода, и вырастет тогда у нее горб или громадный нос, или ослиные уши.

- Ты ешь, - сказал ей очень тихо на ухо Муркотт. - Это семисуп - в одном супе семь супов: с каждой ложкой новый вкус. А не то она рассердится и скомандует миске, чтобы та перевернула суп прямо тебе на юбку.

И сказал громче:

- А мне, пожалуйста, косточку и сметанки побольше! Благодарю, - поджентельменил перед миской Муркотт, освобождая для нее место на столе. Миска еле доковыляла до кота, таща громадную кость и целое море супа со сметаной.

- Всем есть, - сказала Ежка. - Все съедобно. И не вздумай модничать, а не то отправлю полоть белену или собирать репы, - обратилась она к девочке.

Маруся испугалась и быстро-быстро заработала ложкой. Суп и вправду менял вкус с каждой ложкой. Вот удалось хлебнуть и нелюбимый капустный суп, и вполне обожаемый гороховый с кусочками копченой колбаски. Следующая ложка оказалась с борщом и хрустящими сухариками, еще одна - с куриной лапшой, другая - с супом, который дома все называли бабушкиным: с маленькими рулетами из теста и мяса. Однако в каждом супе плавал и нелюбимый лук, и ненавистный укроп. Маруся хотела уже выбрать лук, но решила, что

лучше его все же съесть, чем лезть в колючие репы на бабкином огороде.

- Ты смотри-ка! - сказал Ежке Муркотт, - кто бы мог подумать... Дома ее щи да борщи есть не заставишь...

- Это почему еще? - спросила Ежка у девочки.

- Ну, как-то не хочется... - робко сказала девочка.

- Может, передать твоей маме одну тарелочку на лягушачьих ножках? Чтобы супчик за шиворот сам собой заливался?

Тут одна миска приподнялась, и девочка увидела, что ноги у нее в самом деле лягушачьи.

- Нет-нет, не надо, я все съем... только не за шиворот...

- То-то же. Да смотри, не обмани. Хотя, вдруг забудешь, я над тобой поколдую.

И бабуся достала из кармана большую табакерку, напихала полные ноздри табака, взяла Марусю за самый кончик косички и сказала:

- Апчу на слово «Не хочу»! - и громко чихнула. - Ну вот, так надежнее. Как только скажешь слово «Не хочу», тарелка сама собой и опрокинется. Так, а теперь мыться! - скомандовала Ежка тарелкам.

Они послушно поплелись к медному, весьма помятому тазу, куда пани Ежка уже налила кипятка из дырявого чайника. Тарелки прыгали в него, как спортсмены с вышки. Одна даже сделала сальто в воздухе.

- Никаких выкрутасов, я кому говорю! - закричала Ежка. - От ваших фокусов совсем посуды в доме не осталось, одни черепки!

- Спасибо тебе, бабушка, за вкусный обед, - поклонился хозяйке Муркотт, - а мы дальше пойдем.

- А скатертью дорога, - ответила Ежка, у которой миски уже запрыгивали на полку в буфете. - И не держу никого. Спасибо, гости дорогие, за общество. Будьте здоровы!

Глава 8

Маруся и мистер Муркотт снова вышли на тропинку, которая повела их дальше и дальше в Чиамский лес. «И что в нем необычного... - подумала Маруся. - Ну, кроме сарделек на деревьях, вроде и ничего». Кот повел носом, словно унюхав ее мысли, и сказал:

- Пора бы и начать обещанную экскурсию. Ты права, колбасу я чую, даже если о ней кто-то просто подумал. Что же в этом лесу необычного? Ну, к примеру, есть тут одно местечко - что бы кто бы где бы не потерял, все оказывается именно здесь. Если следующей зимой потеряешь варежку, можешь смело идти на потеряйскую поляну. Идти из города, конечно, не близко, но варежка точно будет там. Мы бы заглянули на нее, но она нам не по пути. Да и что смотреть? Одни ключи, перчатки, кошельки... - что еще обычно дети теряют?

- Игрушки...

- Игрушек там вообще гора. Ты теряла игрушки?

- Еще нет.

- А что теряла?

- Ничего.

- Как? Совсем-совсем ничего?

- Совсем-совсем.

- Какое счастье! - Муркотт шутливо лапой вытер пот со лба. - Значит, на потеряйскую поляну мы не пойдем. И еще в одно местечко нам тоже лучше не заглядывать. Есть тут одна роща... Растут там хлестучие и ласкучие деревья. Одни тебя так отлупят, а другие потом так зажалуют, что мама дорогая! Кстати, я думаю, что эта роща из-за мам здесь и выросла. Это же их метод: сначала накричат, не разобравшись, а потом вместо того чтобы извиниться, начинают чмокать, подлизываться, сюси-пуси разводить, подарочки там всякие... Где логика, спрашивается? Твоя тоже такая?

- Немножко... Иногда... Даже не каждый день, - стала оправдываться Маруся.

- Все равно, парочка деревьев в этой роще - от твоей мамочки привет. Надеюсь, она хотя бы не дерется?

- Шлепается. Но чаще только говорит: «Учти, ладошка у меня всегда при себе - есть чем повоспитывать».

- Если уж кто забрел в эту рощу, тому будет гораздо хуже, чем от маминой ладошки. Конечно, потом его другие деревья гладить будут часа два. Но обида-то останется.

- Это точно, - вздохнула Маруся. - А что еще есть в этом лесу необычного?

- Злым детям я бы рекомендовал сходить на опушку гнева. Я и сам туда иногда захожу, когда злюсь. Там столько трухлявых пней, которые можно попинать. Я подозреваю, что они сами собой сползают на эту полянку со всего леса. У этого гневливого места есть одно свойство: оно притягивает всех путников и обитателей в Чиаме, как только они начинают сердиться. Как только скажешь в сердцах что-то вроде «Черт возьми», и ты уже там. С одной стороны, это хорошо: никто не увидит кривое от злости лицо и не услышит обидных слов. А с другой, не очень. Не хочется же оказаться из-за минуты гнева бог весть где - место ведь не самое приятное. Зато там можно попинать пеньки, покричать разные нехорошие слова в пустые барсучьи норы, повалиться на земле и поколотить ногами. И вот, когда гнева в тебе совсем не останется, гневательная опушка скажет: «Уходи».

- Прямо так и скажет?

- Ну, не скажет... Дунет ветром, пнями заскрипит, поведет лучиком, куда нужно. Короче, сам поймешь, что делать тебе здесь больше нечего.

- А если злость не пройдет?

- Тогда превратит в маленький серый камешек и спрячет в самую глухую барсучью нору. Представь, будет ли тебе приятно, если кто-нибудь придет и закричит в нее: «Васька дурак!» и состроит зверскую рожу. Тут, поверь, даже камню нехорошо станет. Как-то я заглянул в

одну такую заброшенную норку и увидел целую кучку маленьких потерянных камушков. И хоть я был немного зол и успел уже кое-что ругательное крикнуть, мне стало их так жалко - лежат, бедные, в темной норе, всеми забытые и никому не нужные, только потому, что много злились и сердились. Вытащил я камешки на солнышко, погладил их и подумал: «Может, хоть солнце отогреет эти маленькие каменные сердечки». И пошел себе. Шагов через десять я подумал, что, может быть, лучше завернуть их в лопух и отнести на «Веселую ферму» - там Нюра их обязательно приласкает... Но когда я обернулся, то вместо камушков на гневливой поляне лежали маленькие спящие ребяташки. Они начали ворочаться и потягиваться. А когда проснулись, то встали и пошли, куда каждому надо.

- И ты не помог выйти им из этого места? Они же могли заблудиться!!!

- А зачем? Когда у человека, пусть даже совсем маленького, ясная, без всякого гнева голова, то нужная дорога сама найдет его. Я, кстати, потом проверил - все они вернулись в свои дома - кто в город, кто в деревню.

- Так ты и в городе бываешь?

- Редко. Тогда я просто навел справки у своих городских знакомых - васек, мурзиков и пушистиков.

- Они тебя знают?

- А то! Я у них кем-то вроде самого главного числюсь. Ты думаешь, если кот куда-то пропадает ненадолго, он просто идет погулять? Ничего просто так не бывает даже у котиков. Как правило, домашний мурзик идет ко мне за каким-нибудь житейским советом. Ну, к примеру, ситуация: хозяин полюбил компьютер больше, чем кота. Стоит ли погадить хозяину в ботинки, а у компьютера отгрызть что-нибудь, например, мышку, которая совсем не мышка? В таких случаях я говорю, что ни первого, ни второго делать не стоит. И веду мурзика куда-нибудь полечить плохое настроение.

- А как коты лечат настроение?

- У вас в городе взрослые называют это «снять стресс». А коту в печали много ли надо? Рассказать пару анекдотов Ньюриным коровам. Ты знаешь, когда смеются над твоими шутками, это здорово понимает самооценку. Пустить пыль в глаза деревенским кошкам. Это дома он простой мурзик, а в чиямской деревне - настоящий городской жених. И, наконец, я учу их дирижировать форелью. Когда тебя слушается еда, это такое блаженство! Хочешь, покажу?

Г л а в а 9

И Муркотт показал огромной лапой на прекрасный прудик с ровными берегами и гладкой водой. На одном берегу росла береза, и одна из ее веток наклонилась над водой - не слишком низко, но и не слишком высоко. Ровно настолько, чтобы на ней было удобно сидеть, не касаясь ногами воды.

- Если хочешь увидеть совершенно фантастический подводный балет, то забирайся на эту ветку и постарайся с нее не свалиться - распугаешь рыбу, ее потом ни за что не соберешь.

Сам он ловко подпрыгнул и удобно устроил свою большую тушу на ветке. Маруся взобралась не так быстро и ловко, но все же ни разу не оступилась и даже не оцарапалась. Муркотт подождал, пока она усядется, и сказал:

- Посмотри-ка вниз.

Девочка глянула вниз - вода была такой прозрачной, что рыбок можно было пересчитать, дотрагиваясь до каждой тонким прутиком. Рыбы занимались своими делами: плавали там и сям, лениво и нисколько не интересно.

- Через секунду они будут совсем другими, - загадочно пообещал Муркотт. - Одолжи-ка мне свою палочку. Что ж, дамы и господа, я начинаю, - торжественно пообещал он неведомо каким дамам и неизвестным господам.

Он поклонился, сделал жест, которым обычно мужчины поправляют галстук, прокашлялся и вдруг... истошно завопил диким воплем, который совсем не шел его джентльменскому образу.

- Мыаууу!!! - обычно коты кричат так, когда чего-то очень сильно требуют или когда им нечаянно наступают на хвост.

Рыбы в пруду насторожились. Кот заорал еще раз. Рыбы поднялись к поверхности воды, чтобы посмотреть, что происходит там, наверху. «Если он заорет еще раз, рыбы точно расплывутся», - подумала девочка.

Но тут Муркотт весьма широко и любезно им улыбнулся, поклонился самым изысканным манером и произнес:

- Любезные рыбы! Соизвольте исполнить ваш прекрасный танец, чтобы удивить и развлечь эту юную фею.

Марусе показалось, что рыбки в пруду согласно закивали.

- Уважаемые танцоры! Прошу вас занять исходную позицию: дамы - направо, кавалеры - налево, - и кот развел свои лапы в стороны. Рыбки послушно расплылись направо и налево.

- И раз, и два, и три! - продолжал командовать кот. - Начали! Мурмур! - и он стал мурлыкать какую-то мелодию и махать лапами так

энергично, что Маруся подумала, а не подержать ли его за хвост, чтобы он не свалился в воду.

Девочка посмотрела вниз. Под водой рыбки и вправду танцевали. Они кружились, менялись местами, выстраивались змейкой и составляли другие фигуры. То расходились в шахматном порядке, то рассыпались, как подхваченные ветром блески. То попарно вальсировали, как настоящие танцоры. А кот пел, махал лапами, раскачивая ветку, и казалось, что береза от этого тоже танцует. Марусе не хотелось купаться из-за того, что береза решила потанцевать, и она крепко ухватилась за кошачий хвост, а другой рукой - за качающуюся ветку.

- А вот и блестящий финал нашего шоу, - объявил Муркотт и командовал «Алле-ап!», подняв лапы вверх. Рыбы выпрыгнули из воды и через секунду искрящимся в лучах заходящего солнца фейерверком, каплями сказочного радужного дождя посыпались вниз.

- Еще раз! - кот снова махнул лапами, и чудесный фейерверк повторился.

- Ах, как красиво, замечательно! - крикнула Маруся.

Но тут кот хлопнул лапами и поймал одну из блестящих рыбин.

- Ну что ж, артистам спасибо, дирижер отправляется ужинать, - сказал он. - Зрители тоже приглашены.

Муркотт стал спускаться с дерева, зажав рыбу в зубах.

- Как же так, мистер Муркотт? - стала укорять его Маруся. - Разве можно есть таких прекрасных танцоров?

- Если бы не ты, то я поужинал бы свежей рыбкой прямо здесь и сейчас. Но ты же не будешь есть сырую форель...

- Да я и жареную-то не ем...

- Ну, извини тогда - другого ужина я тебе предложить не могу. Очень жаль, что ты останешься голодной.

И только тут Маруся поняла, что ей очень-очень хочется кушать. Ежкин семисуп успел забыться, словно его никогда и не было в жи-

воте. День подходил к концу, и Муркотт привел девочку к рыбакам, которые готовили себе ужин.

Рыбаки поздоровались с котом, как со старым знакомым, почистили рыбу и положили ее в котелок. Скоро запахло чудесной рыбацкой ухой, самой лучшей приправой к которой считается дым костра. Рыбаки достали тарелки и налили в них душистого бульона с лавровым листочком. Коту они положили рыбки головы, а для Маруси достали маленький вкусный хвостик.

- А хвостик можно тоже мне, - сказал вдруг кот. - Она все равно его не будет...

- Я буду, буду... - заторопилась голодная Маруся и грустно вздохнула: рыбки ведь так красиво танцевали...

- Был бы у меня такой кот, - сказал один рыбак другому, - горя бы не знал. Ты бы видел, как на его вопли рыба идет - никакого прикорма не надо!

- Вопли? Я пою! - возмутился Муркотт, вгрызаясь в рыбью голову. - Покоренная моим вокальным талантом рыба сама идет мне в лапы.

- Ха-ха-ха! - засмеялись рыбаки. - С таким талантом коты обычно в марте выступают!

- Это у других талант только в марте. А у меня он всегда! - обиделся кот и замолчал. И рыбаки тоже замолчали. И даже трескучий костер притих.

И в этой тишине все услышали, как где-то совсем недалеко тренькает колокольчик и скрипят колеса.

- Фургон! - хлопнул себя по лбу кот. - Совсем забыл! Если мы его догоним, то уже через полчаса ты будешь дома. Спасибо вам, господа рыбаки, но нам пора!

Муркотт спешно раскланялся, подхватил девочку, и они побежали в сумерках на звук удаляющегося колокольчика, который был привязан к фургону, везущего после вечерней дойки молоко в город.

Г л а в а 10

Они бежали и бежали, а фургона так и не было видно. Вот и не стало слышно его колокольчика, и совсем устали бежать ноги, и в лесу стало как-то тревожно, и девочке было страшно остаться в этом лесу еще на одну ночь. Она села на землю, поджала уставшие ножки и расплакалась.

- Если мы не будем так расстраиваться, то скоро ты окажешься дома, - сказал девочке ее спутник и вытер слезы пушистой лапой. - Я тебя не поцарапал? Нет? Ну, давай, еще немного пройдемся.

- Пусть тогда волшебная палочка поможет мне оказаться дома!

- Но мы же не нашли по дороге ни одного волшебного слова. Ты знаешь, когда я остался совсем один в этом лесу, то понял, что везде можно жить вполне хорошо и без всякого волшебства. Нужно только просто постараться.

- Но я старалась и шла за тобой весь день!

- Осталось совсем чуть-чуть. Еще немного, и мы выйдем из леса.

- Но еще столько идти до города.., - вздохнула Маруся.

В полной темноте побрели путешественники к краю леса. И правда - скоро деревья поредели, звезды перестали путаться в их ветках. Небо над головой расчистилось, а ноги ступили в мокрую от ночной росы траву.

- Ой-е-ей! - закричал вдруг кто-то в траве. - Да вы же наступили на меня! Только прилег отдохнуть, только уснул...

- Простите-простите! - сказала девочка. - Тут темно, и ничего не видно, - и сделала шаг в сторону.

- Да что же вы топчетесь? - снова закричал кто-то. - Лучше поднимите скорее ногу!

Маруся подняла ногу, и из-под нее вырвался заспанный и сердитый южный ветерок.

- Ветерочек, миленький, как я рада тебя видеть! Отнеси меня скорее к маме, - и Маруся кинулась обнимать и целовать его.

- Нашлась, нашлась! - тоже обрадовался встрече ветерок. - Я уже совсем расстроился, что потерял тебя!

Он начал рассказывать, как слетал за своим северным братом, и они вместе вернулись к тому месту, где южный ветерок оставил девочку. Но Маруси уже там не было. А в лес ветру никак не сунуться - вмиг оставишь на острых ветках, колючих иголках свою рубашку, связанную из быстрых воздушных струй. И он, облетев пару раз весь лес, решил ждать ее на другом краю леса. Ждал-ждал, да и уснул.

- Отнеси меня, пожалуйста, скорее домой, - снова попросила девочка.

Легко сказать, отнеси. Ветерок пытался и так, и эдак, но поднять Марусю не смог.

- Какая же ты стала тяжелая, и всего за один день! С тобой теперь не летаешь... - грустно сказал ветерок.

- Как же я теперь попаду домой? - снова начала хныкать уставшая девочка.

- Я, конечно, не лошадь, - вмешался тут кот, - но я-то посильнее ветерка, и мог бы подвезти тебя. Если ты подаришь мне на память свою голубую ленточку. Ты так напомнила мне моих фей, - и Марусе показалось, что кот хочет заплакать.

- Ну, конечно, Мурик, мой хороший котик! - обняла его девочка. - Ты такой добрый и милый, я тебя никогда не забуду.

- Мне тоже не хочется с тобой расставаться, - грустно сказал Муркотт, пока Маруся завязывала ему ленточку на

шее. - Обещай, что ты нарисуешь мой портрет и приклеишь его на холодильник, где висят все твои рисунки.

- Обещаю.

- Представляй скорее, что я диван и укладывайся на мою широкую спину.

Глава 11

И так от леса Чиам в сторону города двинулась удивительная процессия. Впереди летел южный ветерок и показывал дорогу. Даже звезды опустились пониже, чтобы посмотреть, кого это везет на своей спине небывалых размеров котище. Маруся смотрела, как ее разглядывают звезды, слушала, как мягко ступают кошачьи лапы, как шумит за спиной колбасный лес. И уснула.

Сон, который ей приснился, был очень хорошим. Будто она уже дома, и мягкие одеяла и подушки приняли ее в свою уютную пучину. Забавляло девочку, качало и унесло совсем в глубину, где спится без всяких снов. А где котик? Котик...

- Котик, просыпайся, - мама погладила ее по золотым кудрям, поцеловала в теплую от сна щеку. - Просыпайся, моя прелестная фея, - и мамыны руки стряхнули остатки сна, как делали это много-много раз.

А дальше день пошел, как обычно, без всякого волшебства. Весело плелись косы, жужжала зубная щетка своим бравым моторчиком.

Голова застряла в наглаженной свежей майке, и на кухне уже были готовы угощать и потчевать завтраком тарелки и кружки.

Маруся уселась за стол и потихоньку проверила, нет ли у посуды ножек. Тарелки были самые обычные. Но вот в одной из них лежала такая развеселая овсянка и лихо подмигивала глазком сливочного масла.

- Ого! - сказала девочка каше шепотом.

- А ты думала! - замигала каша.

- Не может быть...

- Может-может.

- Да дома ли я?

- А то где же, - сказала каша.

Маруся стала осматривать хорошо знакомую кухню: ничего ли не изменилось за то время, пока она путешествовала вместе с этим странным котом? И нашла то, чего еще день назад здесь не было.

С холодильника, который был обвешан ее рисунками так густо, что и ручку не найдешь, улыбался большой черный кот - да, к сожалению, не мог помахать ей нарисованной фломастером лапой.

- И когда я успела тебя нарисовать? - шепнула девочка.

- Ну, ты же обещала, - прошуршал бумажками холодильник.

- Мааам, - позвала Маруся, - а в каком магазине можно купить гнутый такой гребешок?

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Зуев. Молоко от любимой коровы</i>	3
Как я ничего не ела	4
Посылка в Африку	13
Ужин для родителей	19
Малые Блинки	25
Испорченная бабушка	33
Фея Маруся и мистер Муркотт	43

Елена Михайловна Ожич
КАК Я НИЧЕГО НЕ ЕЛА

Редактор *А. Зуев*
Художник *О. Матушкина*
Фото на обложке *М. Сарсебаева*
Технический редактор *Г. Заркова*
Верстка *Н. Алексеева*

Подписано в печать 17.11.2011 г. Формат 84x108/16. Гарнитура Times New Roman.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 900 экз. Заказ № 6178

ОАО «Алтайский Дом печати». 656043, г. Барнаул, ул. Б. Олонская, 28.

Елена Ожич (Клишина) окончила факультет филологии и журналистики Алтайского госуниверситета в 1997 году. Пишет стихи и детскую прозу. Победитель Международного литературно-педагогического конкурса «Добрая лира 2009-2010» (Санкт-Петербург) - в номинации «Литература для детей младшего школьного возраста» заняла второе место с произведением «Замория, Загория, Залесия и Прямоподносовия». В 2011 году стала победителем краевого конкурса на издание литературных произведений в номинации «Литература для детей и юношества». Участник краевого семинара «Молодая литература Алтая-2011», финалист Международной литературной премии В.П. Крапивина. Живет в Барнауле.